

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

R E S E A R C H R E S U L T

Том 4 | № 3
Volume 4 | 2018

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ.
СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH RESULTS.
SOCIAL STUDIES
AND HUMANITIES

Сайт журнала:
rrhumanities.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-67557 от 31 октября 2016 г.

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor) Mass media registration certificate El. № FS 77-67557 of October 31, 2016

Том 4. № 3. 2018

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-932X

Volume 4. № 3. 2018

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Ответственный секретарь: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Сербского ресурсного центра, доцент кафедры стратегического управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, доцент кафедры культурологии и политологии социально-теологического факультета НИУ «БелГУ», Россия

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы философии», Россия – **председатель редакционной коллегии**

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагиц С., доктор политических наук, доцент факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Буксикова О.Б., доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой теории и методики хореографического искусства факультета режиссуры, актёрского искусства и хореографии Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Быстрянец С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вендт С., доктор наук, профессор, заместитель руководителя факультета психологии, социальной работы и социальной политики, старший научный сотрудник Центра гендерных исследований Университета Южной Австралии, Австралийский Союз

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, университет Монаша, Австралийский Союз

Винчигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Реймский университет, директор Центра искусствоведения и эстетики, Франция

Волкова О.А., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, декан Педагогического факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: PAVEL A. OLKHOV, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: ELENA N. MOTOVNIKOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: IGOR V. LYASHENKO, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY: VICTORIA N. RYAPUKHINA, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Serbian Resource Center, Associate Professor of Strategic Management, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Political Science, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

BORIS I. PRUZHININ, Doctor of Philosophy, Professor, Editor-in-chief of "Voprosy Filosofii", Russia – **Chairman**

IRINA ANTANASJEVIĆ, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

ARKADY A. ARONOV, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Institute of Cultural Studies and Museum Management Studies of Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

SINIŠA ATLAGIĆ, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of World History and Foreign Area Studies, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

OLGA B. BUKSIKOVA, Doctor of Art Study, Head of the Department of Theory and Methodology of Choreography, Producing, Dramatics and Choreography Faculty of Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

SERGEY B. BYSTRYANTSEV, Doctor of Sociology, Professor, Department of History and Political Sciences, St. Petersburg State University of Economics, Russia

SARAH WENDT, Doctor of Science, Professor, Deputy Head of the Faculty of Psychology, Social Work and Social Policy, Chief Researcher at the Center for Gender Studies, the University of South Australia

NIKOLAI N. VERESOV, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, The Monash University, Australia

LORENZO VINCIGUERRA, Professor of Philosophy and Aesthetics at Reims University, director of the Center for Research in Arts and Aesthetics, France

OLGA A. VOLKOVA, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Social Work, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

SUNČICA M. DENIĆ (MIKHAILOVIĆ), Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Education, State University of Nis, Republic of Serbia

MIKHAIL S. ZHIROV, Doctor of Education, Professor of the Department of Social Work, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Russia

ILYA F. ISAEV, Doctor of Education, Professor, Emeritus Professor of Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR M. KAPITSYN, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Sociology and Political Sciences, Institute for Professional Development, Lomonosov Moscow State University, Russia

EUGENE A. KOZHEMYAKIN, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор, Почетный профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Института переподготовки и повышения квалификации Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Лобанов К.Н., доктор политических наук, доцент, профессор кафедры административно-правых дисциплин Белгородского юридического института МВД России, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор Московского педагогического государственного университета, Россия

Ойтinen Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического института; профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор, руководитель Школы философии, ведущий научный сотрудник Лаборатории исследования философии Центра фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, директор Гуманитарного института Астраханского государственного университета, Россия

Талига Х., кандидат философских наук, директор Taliga Consulting (Таллинн), эксперт Международной организации труда, Эстония

Федорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры социологии философского факультета государственного Приштинского университета с временным местонахождением в Косовска-Митровице, Республика Сербия

Щедрин Т.Г., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гутенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

Department of Communication, Advertising and Public Relations, Faculty of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

ALEXANDER P. KOROCHENSKY, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

VASILY V. LIPICH, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

TAMARA I. LIPICH, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

KONSTANTIN N. LOBANOV, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Administrative Law, Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry, Russia

ANDREY D. MAIDANSKY, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

GORAN MAKSIMOVIĆ, Doctor of Philology, Professor of the Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

DEJAN MARKOVIĆ, Ph.D., Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

LYUDMILA A. MIKESHINA, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

VESA OITTINEN, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

ELENA A. OKLADNIKOVA, Doctor of Historical Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

VITALY V. PENSKOY, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute; Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR N. PORUS, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the School of Philosophy, a Leading Researcher of the Laboratory of Research of Philosophy, Center for Basic Research of the National Research University "Higher School of Economics", Russia

ANNA P. ROMANOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Humanities Institute, Astrakhan State University, Russia

HARRI TALIGA, PhD in Philosophy, Director of Taliga Consulting (Tallinn), International Labour Management Expert, Estonia

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

ALEXANDER A. KHAMIDOV, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

VERA K. KHARCHENKO, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

ZHU TSZYANGAN, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, Jiangsu Province, People's Republic of China

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Sociology Faculty of Philosophy of State University of Pristina with temporary located in Kosovska Mitrovica, Republic of Serbia

TATIANA G. SHCHEDRINA, Doctor of Philosophy, Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

ANNETT JUBARA, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.

Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University»

Publisher: Belgorod National Research University

Address of publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

Publication frequency: 4 /year

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИССЛЕДОВАНИЯ	RESEARCHES
Калашников К. Н. «Вектор доступности» медицинской помощи: концептуализация и практика измерений 4	Kalashnikov K. N. "Vector" of medical care availability: Conceptualization and measurements 4
Абдуллаев М. Г. Массовые репрессии в начальном периоде коллективизации сельского хозяйства в Средней Азии 21	Abdullaev M. Public repressions at the initial stage of agricultural collectivization in Central Asia 21
Московкин В. М. Локализованные коллективные воспоминания: Google Scholar-эксперименты и элементы конструктивной социальной истории 27	Moskovkin V. M. Localized collective memories: Google Scholar experiments and elements of a constructive social history 27
Илич Д., Петров Н. Н. Сербские игры в творчестве Йосипа Славенского 38	Ilić D., Petrov N. N. Serbian dances from the oeuvre of Josip Slavenski 38
MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ	MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS
Масалов А. Г. Дискурс общественного единства в эпоху «текучей современности» 43	Masalov A. G. The discourse of social cohesion in the era of "liquid modernity" 43
Газнюк Л. М. Специфические диалектики неомарксизма и постмодерна 50	Gazniuk L. M. The specific dialectic of neo-Marxism and postmodernism 50
Осенков Е. В. Центр международного сотрудничества «Русско-Сербский диалог» как коммуникационная площадка Черноземья для развития взаимоотношений российского и сербского народов 56	Osenkov E. V. The center for international Russian-Serbian dialogue cooperation as a communication platform of the Central Black Earth Region for the development of relations between the Russian and Serbian peoples 56
Левин В. И. Жалдак Н.Н. Изобразительный логико-семантический анализ естественного языка науки: монография. Белгород: ЛитКараВан, 2008. 204 с. <i>Рецензия.</i> 62	Levin V. I. Representational Logical and Semantic Analysis of the Natural Language of Science. Belgorod: LitKaraVan, 2008. 204 p. 62

ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCHES

УДК 316.43, 614.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-3-0-1

Калашников К. Н.

«ВЕКТОР ДОСТУПНОСТИ» МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ:
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ПРАКТИКА ИЗМЕРЕНИЙ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Вологодский научный центр Российской академии наук,
ул. Горького, д. 56а, г. Вологда, 160014, Россия; konstantino-84@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается теоретическая модель оценки доступности медицинских услуг, опирающаяся на особенности институционального контекста современного российского здравоохранения. Существенным признаком отношений между потребителями и поставщиками медицинских услуг в России является, по мнению автора, практика разделения затрат без четкой регламентации ее границ. Потребитель медицинских услуг находится в поиске разумного баланса между двумя альтернативами – низкой организационной и пространственной доступностью помощи, оказываемой в государственных учреждениях, и высокой стоимостью услуг, предоставляемых платно. В качестве альтернативы дискретной или, напротив, слишком укрупненной, оценки доступности медицинской помощи на основе пространственно-временного, организационного и прочих критериев, автор предлагает измерять доступность медицинских услуг в двумерном поле оценок, ограниченном критериальными шкалами «цена» и «дистанция». В статье на основе данных социологического опроса населения показаны различные варианты соотношения этих составляющих доступности, включая примеры слияния и дихотомии, которые определяются рядом социально-экономических факторов, среди которых – пол, возраст, уровень доходов, состояние здоровья. Автор приходит к выводу, что наибольшей проблемой доступности медицинской помощи в России является не столько коммерциализация здравоохранения, сколько недостаточное развитие механизмов нивелирования информационной асимметрии между поставщиком и потребителем услуг, а также отсутствие системы разделения ответственности между агентами общественного и частного секторов.

Ключевые слова: «вектор доступности»; медицинская помощь; здравоохранение; оплата медицинских услуг; социологический опрос

K. N. Kalashnikov

"VECTOR" OF MEDICAL CARE AVAILABILITY:
CONCEPTUALIZATION AND MEASUREMENTS

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation,
56a Gorky St., Vologda, 160014, Russia; konstantino-84@mail.ru

Abstract. The author substantiates the original theoretical model for assessing the availability of medical services. This model is based on the specifics of the institutional context of modern Russian health care. A significant sign of relations between

consumers and providers of medical services in Russia is the division of costs without clear regulation of its borders. The consumer of health services is in search of a reasonable balance between the two alternatives. On the one hand, the low organizational and spatial availability of medical care in public institutions and, on the other hand, the high cost of services in the commercial sector. The author offers a method of measuring the availability of medical services in a two-dimensional field of assessments, which is limited to two criterion scales – "price" and "distance". The article, based on the data of the sociological survey of the population, shows various variants of the ratio of these components of accessibility, including examples of fusion and dichotomy, which are determined by a number of socio-economic factors, including gender, age, income level, health status. The author concludes that the main problem of access to health care in Russia is the lack of development of mechanisms for leveling the information asymmetry between the supplier and the consumer of services, as well as the lack of a system of responsibility sharing between the public and private sectors of health care.

Keywords: "vector of accessibility"; medical care; healthcare; payment for medical services; sociological survey.

Введение

Проблема доступности социальных услуг остро стоит в современной России. Здравоохранение как отрасль социальной сферы не просто не является исключением, но и демонстрирует пример того, как упущения государственных органов власти и медицинских служб оборачиваются для граждан сиюминутными драматичными последствиями. Это связано и с активным (и небесспорным по своим средствам и достигаемым результатам) реформированием здравоохранения и с устойчивой тенденцией коммерциализации медицинских услуг [3, с. 43]. В этой связи актуальными в научном и практическом приложениях становятся исследования, посвященные теоретическому обоснованию критериев доступности медицинской помощи и медицинских услуг, а также разработке инструментария для ее измерения. Предлагаемые критерии оценки должны удовлетворять требованиям функциональности (иными словами, поддаваться количественной оценке и анализу) и достоверности (должны отражать реальную ситуацию, складывающуюся в отрасли и в обществе в целом).

Медицинские услуги имеют индивидуальный характер, оказываются лишь при прямом взаимодействии врача и пациента,

а потому их производитель и потребитель должны напрямую контактировать¹. Кроме того, медицинские услуги не могут быть аккумулированы и/или депонированы на некоторый период времени и предоставляются по принципу «здесь и сейчас» [9, с. 15]. Отсюда – широкое распространение в оценке доступности медицинских услуг пространственно-временного критерия. Традиционно радиус обслуживания или доступности услуг понимается как расстояние, отделяющее потенциального получателя услуги от его поставщика, и измеряется временем, которое ему потребуется для преодоления пути из пункта «А» в пункт назначения «В». Так, параметры доступности медицинской помощи, выраженные во времени пешей доступности или с учетом работы общественного транспорта, регламентированы в требованиях

¹ Различия между понятиями «медицинская помощь» и «медицинская услуга» интересно описаны в заметке Ю.М. Комарова «Что оказывают медицинские учреждения: медицинскую помощь или медицинские услуги?» (URL: <http://viperson.ru/articles/yuriy-komarov-chto-okazyvayut-meditsinskie-uchrezhdeniya-meditsinskuyu-pomosch-ili-meditsinskie-uslugi>). Однако автор всё же считает, что в контексте данной статьи в ряде случаев они могут использоваться как синонимичные.

к размещению медицинских организаций государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения исходя из потребностей населения (приказ № 132н Министерства здравоохранения Российской Федерации от 27 февраля 2016 г.). Например, организации, оказывающие медицинскую помощь в экстренной форме (за исключением станций скорой медицинской помощи и ряда других), размещаются с учетом транспортной доступности в 60 минут, оказывающие медицинскую помощь в неотложной форме – в 120 минут и т.д.²

Однако данный подход весьма узок и не охватывает всю глубину взаимодействия между двумя участниками транзакции. В действительности доступность медицинской услуги определяется не только тем, насколько быстро пациент может добраться до медицинского учреждения, но и такими сопутствующими обстоятельствами, как срок ожидания плановой операции, возможность заранее спланировать свое посещение врача или осуществить его в удобное время, а также необходимость оплачивать лечение. Нередко выделяются три аспекта доступности: географическая доступность, своевременность получения услуг и доступность с позиций организации процесса [7, с. 231]. При этом неправомерно говорить о доступности услуг в целом, следует подходить к ее измерению и трактовке полученных оценок дифференцированно для разных категорий населения, видов медицинской помощи и пр. [1, с. 129]. В качестве альтернативы понятию «радиус доступности» мы предлагаем концепт «вектор доступности», который частично восполняет недостатки первого. Во-первых, «вектор доступности» позволяет принимать во внимание не только пространственно-временной аспект досягаемости врача или организации, но и такие

важные переменные доступности, как пространственность очередей, дефицит врачей, а также коммерциализацию здравоохранения. Во-вторых, он позволяет проанализировать диалектику двух важнейших элементов доступности – «дистанции» и «цены». Платные медицинские услуги мы рассматриваем как альтернативу бесплатной медицинской помощи «по месту жительства» или то, что американский экономист А.О. Хиршман назвал «выходом» («Exit») [4, с. 117]. Человек, которого не устраивает доступность или качество социальных услуг в одной организации, может обратиться в другую. Поскольку в рамках государственной системы здравоохранения в России практически отсутствует конкуренция, опция «выход» может быть реализована только в направлении коммерческого сектора. Вместе с тем платная медицинская помощь, являясь более доступной по ряду критериев организационного процесса, всё же сама ограниченно доступна по причине своей высокой стоимости. Поэтому разумно рассматривать бесплатную и платную медицинскую помощь в качестве взаимно конкурирующих вариантов. Субъект, принимающий решение о получении той или иной социальной услуги, действует как индивид, стремящийся к максимальной полезности, взвешивающий аргументы «за» и «против» и выбирающий оптимальный вариант. Чаще всего человек стоит перед дилеммой «терпеть или платить». Например, зная, что консультацию врача он может получить не только в государственной организации, находящейся в другом районе города (аспект доступности – пространственная удаленность), но и в коммерческой клинике ближе к его дому, он, вероятно, предпочтет второй вариант. Необходимость оплачивать услуги является фактором, отдаляющим от него искомую услугу (вектор удлиняется). Однако он взвешивает оба фактора и принимает оптимальное, на его взгляд, решение. Выбор зависит от многих условий, включая качество медицинской помощи в обеих организациях, половозрастные, имущественные и прочие

² Указанные параметры могут обоснованно корректироваться с учетом транспортной доступности, а также климатических и географических особенностей субъектов Российской Федерации.

характеристики, состояние здоровья, привычки и опыт индивидуума, а также традиции, принятые в данном сообществе. Исследование опиралось на два ключевых тезиса (Т). Т 1: доступность медицинской помощи следует интерпретировать в контексте двумерного поля оценок, ограниченного критериальными шкалами платности и пространственно-временной «удаленности» услуг. Т 2: половозрастные и социальные группы различаются не только уровнем доступности медицинской помощи в целом, но и соотношением двух базовых параметров доступности – «цена» и «дистанция».

Напомним, что необходимость платить за медицинские услуги из личных средств граждан представляет собой сложную проблему во всем мире, остро стоящую и в социально-политической, и экономической плоскостях. Так, Р. Робинсон, ссылаясь на немецкий опыт, утверждает, что поддержка практики сборов с пользователей может усиливаться и ослабевать «в такт» политическим процессам. На этом уровне идеологические аргументы могут решать всё, особенно если убедительные эмпирические данные отсутствуют [6, с. 70]. Между тем эксперты Всемирного банка отмечают, что медицинские услуги являются частными благами, а потому расходы граждан на медицинскую помощь никак не противоречат принципам соци-

ального государства [8, с. 34]. Понимая, что вопрос о масштабах и механизмах участия граждан в оплате медицинской помощи остается дискуссионным, мы намеренно оставляем его развитие за рамками данной статьи. В контексте поставленных задач и сформулированных гипотез исследования важнее опираться на объективно существующие институциональные условия оказания жителям страны медицинской помощи, которые демонстрируют широкое участие населения в оплате медицинских услуг [2, с. 74].

Материалы и методы

В качестве информационной базы привлечены результаты социологического опроса, проведенного Вологодским научным центром РАН (ранее Институт социально-экономического развития территорий (ИСЭРТ) РАН) в 2014–2017 гг. на территории Вологодской области, включая города Вологду и Череповец и восемь муниципальных районов. Репрезентативность выборки обеспечена квотированием по полу и возрасту, равномерным размещением единиц наблюдения, представительным объемом – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Ошибка выборки не превышает 3 %. Вопросы респондентам задавались с опорой на имеющийся у них личный опыт, а не на отвлеченную оценку ситуации (табл. 1).

Таблица 1. Формулировки вопросов по основным компонентам доступности медицинской помощи

Table 1. Question wording on the main components of accessibility medical care

Аспект / Aspect	Формулировки вопросов в анкете / The wording of questions in the questionnaire
Организационно-коммуникационный компонент доступности / Organizational and communication component of accessibility	а. Приходилось ли Вам в течение последнего года сталкиваться с негативными явлениями в деятельности медицинских учреждений (очереди; невозможность попасть на прием в удобное время; плохая организация работы регистратур; опоздания, нерегламентированные перерывы в работе медработников; недостаток информации о работе специалистов, о том, к кому можно обратиться в случае тех или иных заболеваний; отсутствие нужных специалистов, невнимательное отношение

Аспект / Aspect	Формулировки вопросов в анкете / The wording of questions in the questionnaire
	медработников; хамство, неуважительное отношение медработников)?
	b. Имеете ли Вы возможность записаться к нужному медицинскому специалисту через сеть Интернет?
	c. Знаете ли Вы о том, что запись на прием к врачу можно осуществить с помощью электронных устройств (инфоматов), а также через сеть Интернет?
	d. Записывается ли Вы на прием к врачу через сеть Интернет?
Территориальная доступность / Territorial availability	e. Сколько времени обычно уходит на дорогу до ближайшего врача/фельдшера поликлиники?
	f. Как работает общественный транспорт, которым Вы пользуетесь?
Доступность бесплатной медицинской помощи / Access to free medical care	g. Приходилось ли Вам расходовать средства на лечение в медицинском учреждении в текущем году?

В основе методологии исследования лежит понятие вектора доступности медицинской помощи, отражающего доступность социальных услуг не как одномерную категорию, а как интегральную характеристику. В статье представлены результаты оценки как отдельных элементов доступности (представлены ниже в таблицах), так и двух базовых категорий доступности – «дистанция» и «цена» (представлены на графиках). Порядок расчета индекса «вектор доступности» следующий. Параметр «цена» измеряется как доля ответов респондентов, оплачивавших медицинские услуги и помощь в текущем году, пересчитанная в индекс делением на 100 (на основе вопроса g в табл. 1), параметр «дистанция» – как среднеарифметическое

от удельных весов (также с пересчетом в индекс) ответов респондентов о фактах ограничения пространственно-временной и организационной доступности медицинских услуг (вопросы a, b, c, d, e и f из табл. 1), с которыми они сталкивались. Например, если среди жителей сельской местности 22,2 % признаются, что оплачивали медицинскую помощь, то вектор доступности бесплатной медицинской помощи составит 0,222. Для расчета составных индексов используется среднее арифметическое от значений удельных весов всех ответов на вопросы. Например, в табл. 2 представлены составляющие вектора доступности по информационно-коммуникационному компоненту и его значение в целом в разрезе «город – село».

Таблица 2. Распространенность негативных практик в деятельности государственных медицинских организаций (по оценкам респондентов)

Table 2. Prevalence of negative practices in activities of public medical organizations (according to respondents)

Негативные явления в деятельности медицинских учреждений / Negative phenomena in the activities of medical institutions	Город / City	Село / Village
Очереди	0,815	0,772
Невозможность попасть на прием в удобное время	0,756	0,724
Хамство, неуважительное отношение мед. работников к пациентам	0,363	0,412
Плохая организация работы регистратур	0,430	0,478
Опоздания, нерегламентированные перерывы в работе медработников	0,387	0,468

Негативные явления в деятельности медицинских учреждений / Negative phenomena in the activities of medical institutions	Город / City	Село / Village
Недостаток информации о работе специалистов, о том, к кому можно обратиться в случае тех или иных заболеваний	0,470	0,476
Отсутствие нужных специалистов	0,636	0,563
Невнимательное отношение медработников	0,397	0,440
<i>Вектор доступности по организационному компоненту (среднеарифметическое)</i>	<i>0,518</i>	<i>0,529</i>

В случае, если речь идет о возможностях использования сети Интернет или о качестве работы транспорта, используются доли ответов, данных в негативном ключе. В расчет берутся только ответы респондентов, которые в указанный период обращались за медицинской помощью. Индексы рассчитываются следующим образом:

$$V_a = \frac{a+b+c+d+e+f}{600},$$

где V_a – вектор доступности по дистанции; a – доля респондентов, столкнувшихся в течение последнего года с негативными явлениями в деятельности медицинских учреждений; b – доля респондентов, не имеющих возможности записаться к нужному медицинскому специалисту через сеть Интернет; c – доля респондентов, не знающих, что запись на прием к врачу можно осуществить с помощью электронных устройств (инфоматов), а также через сеть Интернет; d – доля респондентов, которые не записываются на прием к врачу через сеть Интернет; e – доля респондентов, которые тратят на дорогу до ближайшего врача/фельдшера поликлиники более двух часов; f – доля респондентов, которые низко оценивают качество работы общественного транспорта в месте их проживания.

$$V_p = \frac{g}{100},$$

где V_p – вектор доступности по цене; g – доля респондентов, которые расходовали средства на лечение в медицинском

учреждении в текущем году.

Чем большее значение имеет «модуль вектора», тем более отдалена от субъекта искомая медицинская помощь и, соответственно, тем более неблагоприятна ситуация с доступностью. Вместе с тем вектор доступности рассматривается не только как индекс, объединяющий два базовых компонента доступности, а именно доступность с точки зрения территориально-транспортной досягаемости, организации процесса поставки медицинских услуг (критерий «дистанция») и доступность бесплатной медицинской помощи (критерий «цена»). Основной задачей статьи является анализ диалектики этих компонентов и построение вектора доступности в двумерном поле оценок (далее в статье эти соотношения изображены на графиках). Гипотетически между параметрами «цена» и «дистанция» существует обратная связь: бесплатность медицинской помощи, как правило, сопряжена с трудностями и ограничениями пространственно-временной и организационной доступности, тогда как оплата медицинской помощи решает ряд этих проблем. Если эта связь найдет эмпирическое основание, отдельные категории населения, территорий и видов медицинской помощи на графике «цена – дистанция» будет правильнее изображать не точками, а кривыми. На рис. 1 изображены две кривые доступности медицинской помощи, которые соответствуют гипотетическим ситуациям, отличающимся как уровнем затрат, так и удаленностью поставщика.

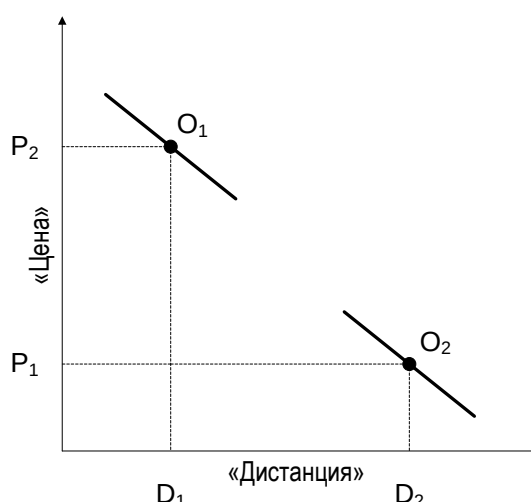

Рис. 1. Кривые доступности медицинской помощи в двумерном поле «цена – дистанция» для двух гипотетических случаев

Fig. 1. Curves of availability of medical care in the two-dimensional field "price-distance" for two hypothetical cases

Верхняя кривая отражает ситуацию, когда лимитирующим фактором выступает стоимость услуг при умеренной дистанции между их потребителем и поставщиком. Как пример – оказание платной медицинской помощи в коммерческой клинике. Нижняя кривая, напротив, соответствует тем условиям, когда пациент при низкой стоимости медицинской помощи вынужден мириться с ее ограниченной «досягаемостью». В качестве примера можно привести получение плановой больничной медицинской помощи, которая, будучи преимущественно бесплатной, требует выполнения целого ряда предварительных бюрократических процедур. Разумеется, возможны и другие варианты соотношений параметров «цена» и «дистанция». Например, скорая медицинская помощь характеризуется высокой доступностью по обоим шкалам, поскольку для ее получения достаточно сделать один телефонный звонок. Максимальную удаленность от получателя как в «дистанции», так и в «цене», вероятно, будет иметь высокотехнологичная медицинская помощь вне программы госгарантий, особенно получаемая в клинике федерального уровня в столице или за рубежом. Однако эти примеры представляют собой исключения. В большинстве случаев соотношение двух

указанных переменных гораздо более неопределенно. Каждая кривая на рис. 1 отражает характерные для конкретного объекта оценки диапазоны значений по обоим шкалам, а центральные точки O_1 и O_2 соответствуют оптимуму, когда соотношение «цены» и «дистанции» достигает состояния равновесия. Выявление этих диапазонов и точек баланса важно как в научном, так и в прикладном отношении, однако требует привлечения информации обо всех альтернативных фактах транзакций между пациентом и медицинской организацией, причем применительно к конкретному примеру заболевания. Мы видим, что такая задача утопична.

Поскольку теоретически факторами доступности медицинской помощи являются возраст, уровень доходов человека и пр., имеет смысл проверить эту гипотезу, исключив указанные параметры из сферы оценки, а затем попытаться верифицировать связь вектора доступности с ними. На данный момент мы можем ограничиться лишь выявлением межгрупповых различий (прежде всего, по месту проживания, гендерной принадлежности, возрасту и состоянию здоровья) в соотношении параметров «цена» и «дистанция» на основе укруп-

ненных данных социологического опроса населения.

Результаты

Измерение «вектора доступности» обнаруживает гендерные различия. Соответствующий индекс принимает большие значения для женщин, чем для мужчин

(0,360 против 0,310), однако при ближайшем рассмотрении удастся рассмотреть один аспект, по которому гендерное различие несостоятельно, а именно – доступность интернет-технологий как инструмента коммуникации с медицинскими организациями (табл. 3).

Таблица 3. «Вектор доступности» медицинской помощи по гендерным и возрастным группам

Table 3. "Accessibility vector" of health care by gender and age groups

Элементы вектора доступности медицинской помощи / Elements of vector of availability of medical care	Категории респондентов по полу и возрасту / Categories of respondents by sex and age				
	Мужчины / Men	Женщины / Women	Молодежь (до 30 лет) / Youth	Средний возраст (от 30 до 60(55) лет) / Average age	Пенсионный возраст (старше 60(55) лет) / Retirement age
Вектор доступности по организационному компоненту (рассчитан на основе вопроса а) / Accessibility vector by organizational component (calculated on the basis of question a)	0,474	0,557	0,537	0,501	0,540
Вектор доступности по информационно-коммуникационному компоненту доступности (вопросы b, c, d) / Availability vector on the information and communication component of accessibility (questions b, c, d)	0,619	0,556	0,447	0,555	0,737
Вектор доступности первичной помощи (вопрос e) / Accessibility vector of primary care (question e)	0,132	0,150	0,091	0,134	0,194
Вектор доступности с позиций качества работы общественного транспорта (вопрос f) / Availability vector from the standpoint of the quality of public transport (question f)	0,261	0,294	0,267	0,267	0,309

Элементы вектора доступности медицинской помощи / Elements of vector of availability of medical care	Категории респондентов по полу и возрасту / Categories of respondents by sex and age				
	Мужчины / Men	Женщины / Women	Молодежь (до 30 лет) / Youth	Средний возраст (от 30 до 60(55) лет) / Average age	Пенсионный возраст (старше 60(55) лет) / Retirement age
Вектор доступности бесплатной медицинской помощи (вопрос g) / Accessibility vector for free medical care (question g)	0,165	0,317	0,210	0,214	0,340

Различия между возрастными группами по параметрам доступности медицинской помощи – сакраментальны. Респонденты пенсионного возраста имеют больший вектор доступности медицинской помощи (0,401), чем представители среднего возраста и молодежи (0,318 и 0,298 соответственно). Выявленное различие наблюдается по всем компонентам, объединенным в рамках единого вектора доступности, будь то открытость интернет-пространства или бесплатность услуг. Тот факт, что молодежь более строго оценивает организационный компонент доступности (качество работы регистратур, очереди и пр.), свидетельствует об их высокой, чем у представителей средней возрастной группы, требовательности к условиям сервиса.

Гендерные различия в доступности медицинской помощи затрагивают только

«стоимостной» аспект: женщины в большей степени, чем мужчины, оплачивают медицинские услуги. При этом значения длины вектора по критерию «дистанция», которые в целом превышают значения по альтернативной шкале, практически совпадают для обеих групп (рис. 2).

Различие в доступности медицинской помощи между возрастными группами проходит по границе пенсионного возраста, тогда как представители «молодой» (до 30 лет) и «средневозрастной» (с 30 до 60 лет) групп населения находятся, если опираться на полученные данные, в равных условиях (рис. 3). Представители же старшего поколения подвергаются наибольшему риску: значение вектора доступности медицинской помощи существенно возрастает для них по обоим критериальным шкалам.

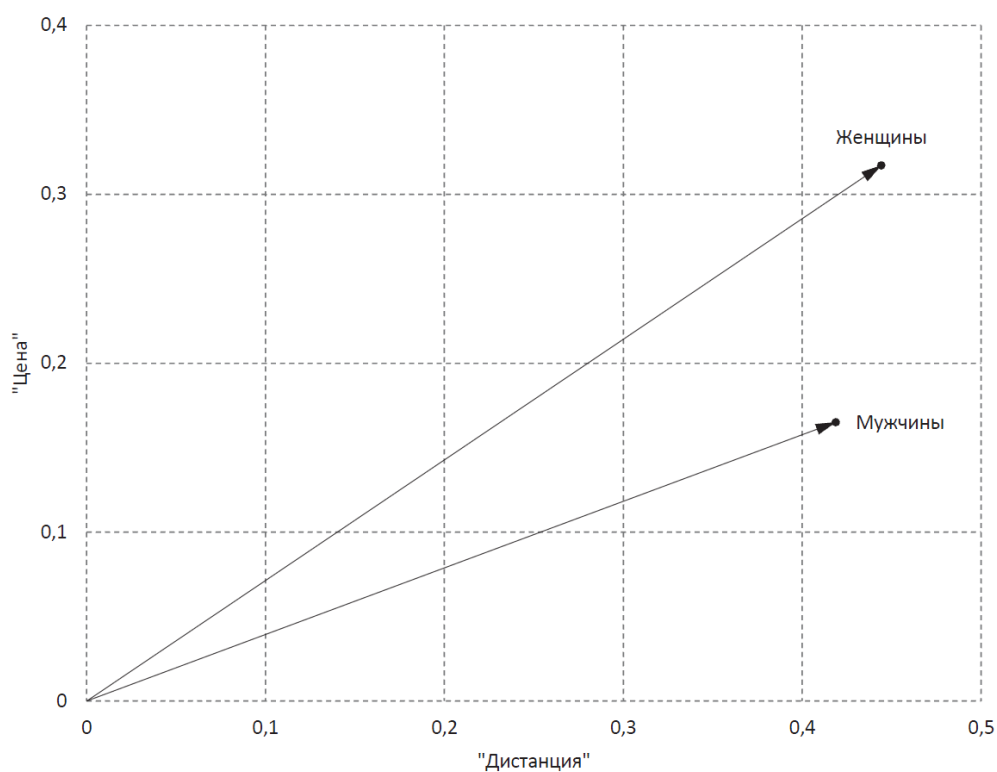

Рис. 2. «Вектор доступности» медицинской помощи для мужчин и женщин
Fig. 2. "Vector of availability" of medical care for men and women

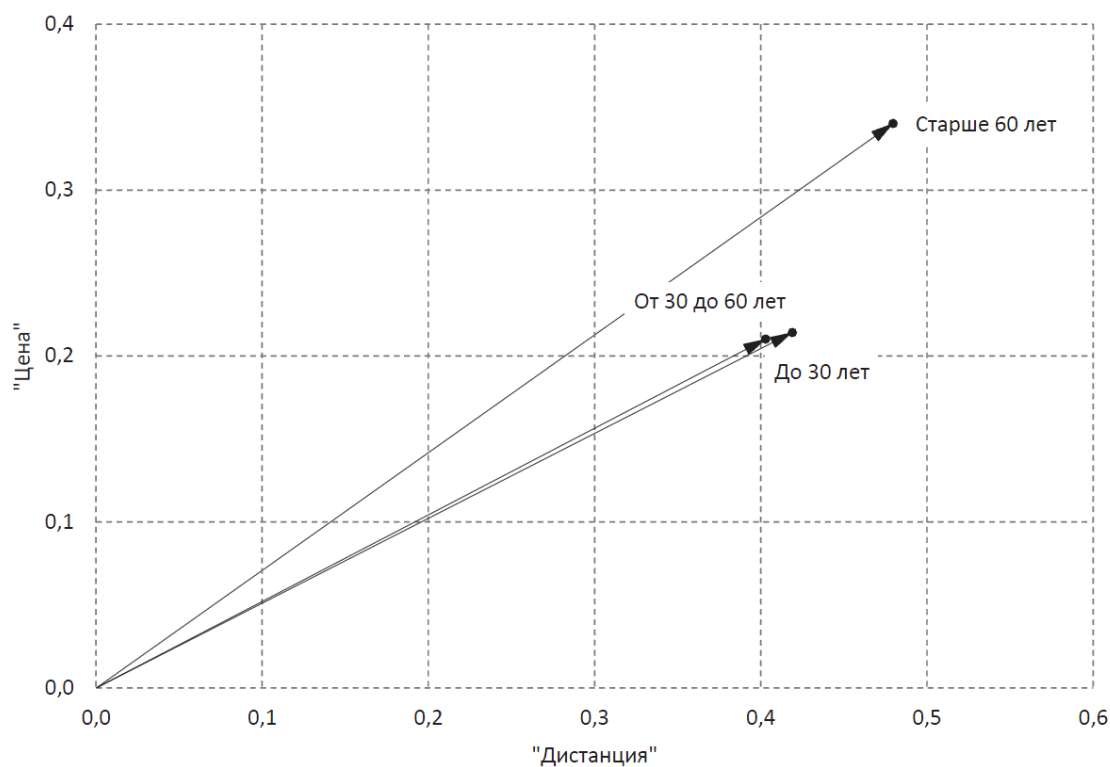

Рис. 3. «Вектор доступности» медицинской помощи по возрастным группам
Fig. 3. "Vector of availability" of medical care by age groups

В известной степени предсказуемы и итоги анализа доступности медицинской помощи в территориальном контексте. Так, в доступности инфраструктуры здравоохранения, особенно в аспектах доступности первичной медицинской помощи и качества работы общественного транспорта, жители сельских поселений стеснены более жесткими, по сравнению с горожанами, рамками (табл. 4). Однако жители села демонстрируют более «короткий»

«вектор доступности» по параметрам бесплатности медицинской помощи. Мы можем говорить об ограниченном, по крайней мере в сравнении с городами, распространении в сельской местности коммерциализации медицинских услуг. С одной стороны, это свидетельствует о скромных запросах к доступности услуг, с другой стороны, может быть связано с уже отмеченным низким уровнем распространенности платежей.

Таблица 4. «Вектор доступности» медицинской помощи по типам территорий
Table 4. "Accessibility vector" of medical care by type of territory

Элементы вектора доступности медицинской помощи / Elements of vector of availability of medical care	Категории респондентов по месту проживания / Categories of respondents by place of residence			
	Город / City	Село / Village	Крупные города / Major cities	Муниципальные районы / Municipal districts
Вектор доступности по организационному компоненту / Accessibility by organizational component	0,518	0,529	0,538	0,499
Вектор доступности по информационно-коммуникационному компоненту доступности / Accessibility by information and communication component	0,524	0,773	0,451	0,733
Вектор доступности первичной помощи / Availability of primary care	0,087	0,319	0,099	0,192
Вектор доступности с позиций качества работы общественного транспорта / Accessibility from the perspective of the quality of public transport	0,228	0,444	0,233	0,331
Вектор доступности бесплатной медицинской помощи / Access to free medical care	0,259	0,222	0,287	0,208

Векторы доступности медицинской помощи в разрезе территорий демонстрируют заметное расхождение в системе координат «цена – дистанция». Если для сельских жителей преградой к получению медицинской помощи выступает прежде

всего пространственно-временная удаленность медицинских организаций, то для горожан (и в большей степени для жителей крупных городов) главным препятствием является необходимость оплачивать медицинские услуги (рис. 4).

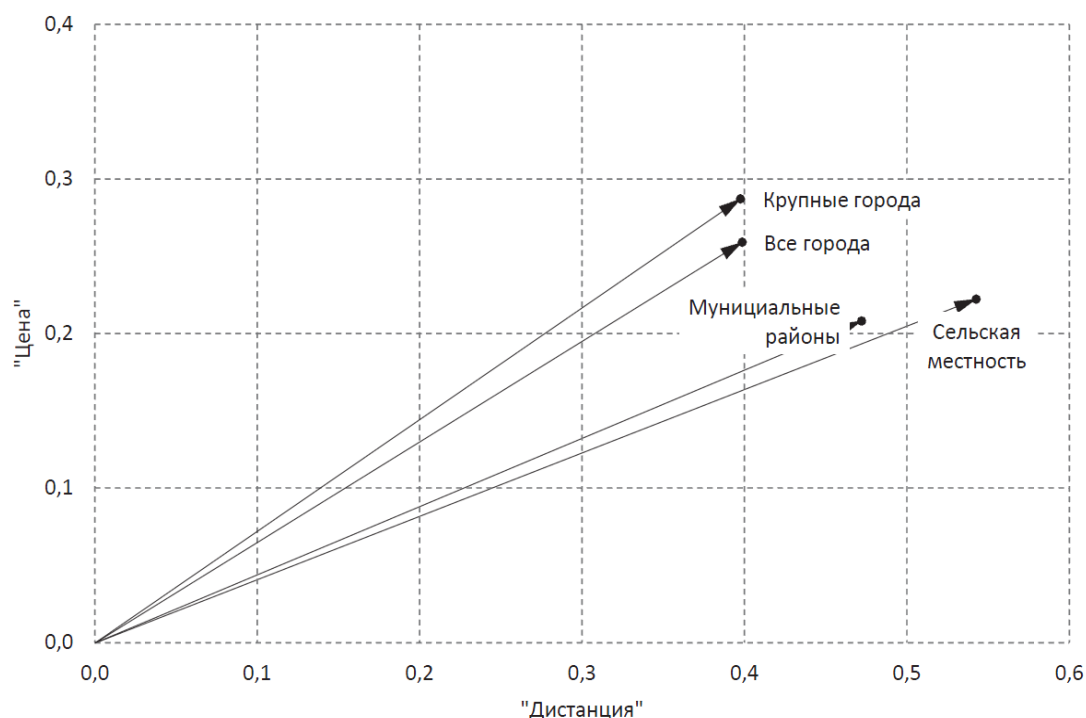

Рис. 4. «Вектор доступности» медицинской помощи в территориальном разрезе
Fig. 4. "Vector of availability" of medical care in the territorial context

Трактовка подобных территориальных различий сопряжена со сложностями методологического характера. В частности, мы не знаем, насколько горожан устраивает такое положение вещей. Не исключено, что возможность получить желаемую платную услугу у квалифицированного специалиста без необходимости стоять длинную очередь они могут расценивать, в известной степени, и как свое преимущество.

Французская поговорка, гласящая, что болезнь – путешествие для бедных, подтверждается и данными проведенного исследования. Вектор транспортной доступности медицинской помощи максимален для граждан с наименьшими доходами. По другим параметрам доступности медицинской помощи положение наименее обеспеченных людей более драматично, чем граждан, чей уровень доходов более высок (табл. 5).

Таблица 5. «Вектор доступности» медицинской помощи по доходным группам
Table 5. "Accessibility vector" of medical care by income group

Элементы вектора доступности медицинской помощи / Elements of vector of availability of medical care	Категории респондентов по уровню дохода / Categories of respondents by income level		
	20 % наименее обеспеченных / the poorest	60 % среднеобеспеченных / middle-income	20 % наиболее обеспеченных / the most wealthy
Вектор доступности по организационному компоненту / Accessibility by organizational component	0,612	0,504	0,508
Вектор доступности по информационно-	0,703	0,581	0,483

Элементы вектора доступности медицинской помощи / Elements of vector of availability of medical care	Категории респондентов по уровню дохода / Categories of respondents by income level		
	20 % наименее обеспеченных / the poorest	60 % среднеобеспеченных / middle-income	20 % наиболее обеспеченных / the most wealthy
коммуникационному компоненту доступности / Accessibility by information and communication component			
Вектор доступности первичной помощи / Availability of primary care	0,297	0,126	0,045
Вектор доступности с позиций качества работы общественного транспорта / Accessibility from the perspective of the quality of public transport	0,436	0,276	0,165
Вектор доступности бесплатной медицинской помощи / Access to free medical care	0,246	0,258	0,231

Наиболее обеспеченные респонденты имеют минимальный «вектор» доступности по критерию «дистанция», а наименее финансово обеспеченные, напротив, характеризуются максимальной «удаленно-

стью» от поставщика медицинских услуг (эта закономерность сохраняется и при сопоставлении групп респондентов по социальной самоидентификации) (рис. 5).

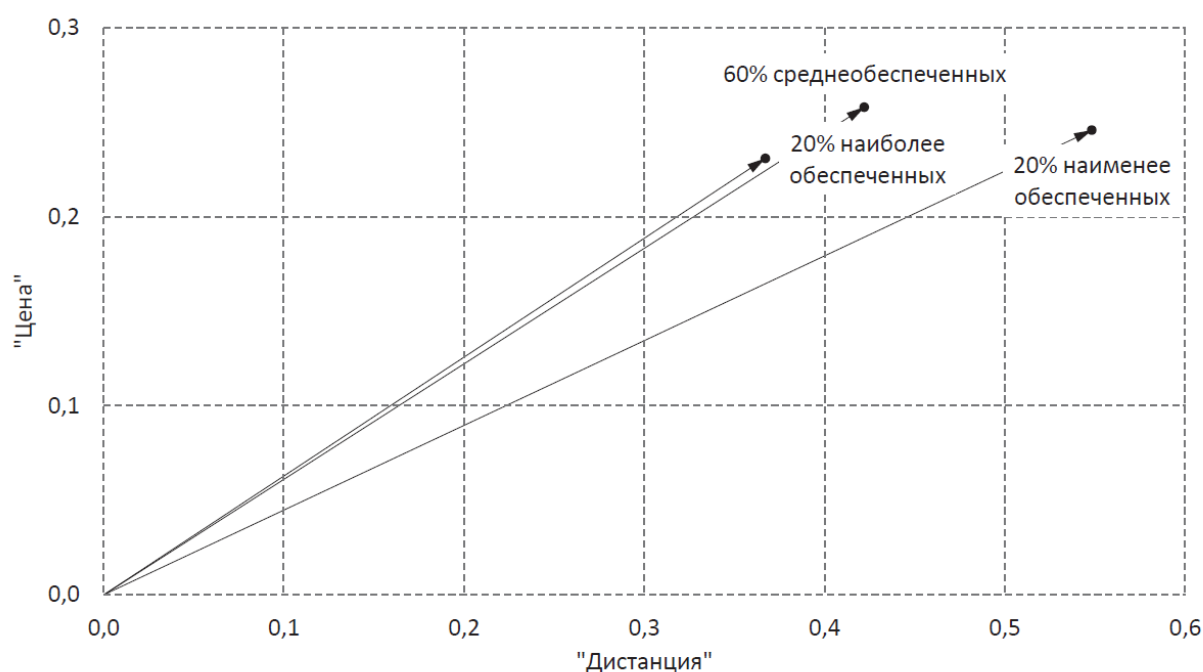

Рис. 5. «Вектор доступности» медицинской помощи по доходным группам
Fig. 5. "Vector of availability" of medical care by income groups

Пациенты со сравнительно более высоким доходом реже обращаются за бесплатной помощью, однако различия между выделенными категориями по степени участия в соплатежах нельзя назвать существенными. Респонденты и наиболее, и наименее финансово обеспеченные вынуждены оплачивать услуги здравоохранения практически «на равных».

Однако в наибольшей степени различия в параметрах доступности медицинской помощи проявляются в сравнении групп по самооценке здоровья. Те, кто негативно оценивают свое здоровье, фиксируют значительно более низкие, чем альтернативные категории, показатели доступности услуг по всем рассматриваемым пунктам (табл. 6).

Таблица 6. «Вектор доступности» медицинской помощи по самооценке здоровья
Table 6. "Vector of availability" of medical care by self-assessed health

Элементы вектора доступности медицинской помощи / Elements of vector of availability of medical care	Категории респондентов по самооценке здоровья / Categories of health self-assessment respondents		
	Хорошее и очень хорошее / Good and very good	Удовлетворительное / Satisfactory	Плохое и очень плохое / Bad and very bad
Вектор доступности по организационному компоненту / Accessibility by organizational component	0,485	0,521	0,619
Вектор доступности по информационно-коммуникационному компоненту / Accessibility by information and communication component	0,418	0,635	0,751
Вектор доступности первичной помощи / Availability of primary care	0,084	0,152	0,238
Вектор доступности с позиций качества работы общественного транспорта / Accessibility from the perspective of the quality of public transport	0,193	0,302	0,387
Вектор доступности бесплатной медицинской помощи / Access to free medical care	0,191	0,242	0,444

Лица, имеющие тяжелые формы заболеваний, вынуждены теснее контактировать с медицинскими службами, а потому острее реагируют на все шероховатости организационного процесса оказания медицинской помощи. Нередко и простая необходимость добраться до медицинского учреждения оборачивается для них большой проблемой, не говоря уже о бремени

многочисленных и утомительных процедур. В целом такую закономерность следует считать либо само собой разумеющейся, либо статистическим артефактом.

Обсуждение

Модель поведения человека как расчетливого участника рынка, выбранная в качестве теоретической основы статьи, достоверна, но не абсолютна, поскольку осно-

вана на допущении, что индивид обладает всей полнотой информации о возможных альтернативах лечения. В действительности человек почти никогда не владеет достоверной информацией о качестве медицинской помощи и порядке ее получения. Информационная асимметрия между потребителем и поставщиком услуг делает выбор первого случайным и импульсивным [5]. Если больному и удастся найти оптимальный «маршрут» получения медицинской помощи, то преимущественно в результате трудного опыта проб и ошибок. Индивид действует скорее стихийно, а потому затрачивает как время, так и личные средства, пока не найдет нужную альтернативу.

Доступность медицинской помощи демонстрирует различные варианты сопряженности и дихотомии в разрезе половозрастных и социально-экономических категорий населения, что служит подтверждением исходной гипотезы. Например, сельские жители сталкиваются с проблемой пространственно-временной доступности больше, чем с необходимостью оплачивать услуги, тогда как горожане оказываются в обратной ситуации, хотя и для них проблемы досягаемости услуг сохраняют актуальность. Однако в большинстве случаев такой дихотомии не отмечается. Респонденты наименее материально обеспеченные имеют самый «длинный» вектор доступности по шкале «дистанция», но по степени участия в платежах они находятся на одном уровне со средне- и наиболее обеспеченными категориями населения. Представители старшей возрастной группы демонстрируют удлинение вектора доступности как по показателю затраченных средств, так и досягаемости услуг. Для них ограничения платности и досягаемости не конкурентны друг другу, а сопряжены. Это обусловлено как объективной проблемой, информационной асимметрией между пациентом и врачом, так и недостаточным развитием институтов здравоохранения, призванных нивелировать эту базовую асимметричность, что делает процесс получения медицинской помощи непредсказуемым и затратным.

Таким образом, следует различать гипотетическую ситуацию баланса между стоимостью и дистанцией, с одной стороны, и реальную ситуацию – с другой. Однако движение в направлении желаемого равновесия всё-таки необходимо. Оно требует более разумного и прозрачного разграничения зон ответственности между государственным и коммерческим секторами в обеспечении населения медицинской помощью. Речь не идет о том, чтобы вся медицинская помощь оказывалась на бесплатной основе. Напротив, учитывая ожидания и потребности населения, немалая доля которого приветствует платные услуги при условии освобождения от ряда угнетающих обстоятельств, нельзя не признать их конкурентных преимуществ и перспективности. Необходимо сделать процесс получения медицинской помощи более предсказуемым, а низкая доступность медицинской помощи в государственных организациях не должна быть поводом для выбора коммерческих услуг в качестве единственного и неизбежного выхода.

В дальнейшем нам еще предстоит разобраться, насколько сильна связь между параметрами «цена» и «дистанция», а также какова ее природа. Вопросом остается и то, что представляет собой то или иное соотношение параметров «цена» и «дистанция». В одном случае оно может быть отражением процесса поиска желаемого оптимума, в другом – уже найденной «разумной комбинацией». Развитие исследования будет связано с привлечением к измерению «вектора доступности» медицинской помощи фактических показателей пространственно-временной, организационно-коммуникационной доступности, а также данных об участии населения в софинансировании медицинских услуг.

Выводы

Доступность медицинской помощи в современных российских социально-экономических условиях включает два компонента. Первый – доступность в контексте организации медицинской помощи,

второй – с позиций необходимости оплаты услуг из личных средств граждан. Оба эти аспекта составляют вектор доступности как единую структуру.

Вместе с тем их можно рассматривать в дихотомии друг относительно друга. Так, медицинская помощь, предоставляемая бесплатно (например, амбулаторно-поликлиническая медицинская помощь по месту жительства), может сопровождаться сопутствующими затруднениями, как то: сложность записи к специалисту, необходимость долгого ожидания приема и пр. Оплачивая медицинские услуги в платной клинике, что само по себе ограничивает их доступность, пациент избегает необходимости стоять в очередях, получает возможность выбора лечащего врача и времени для приема. Индивид, нуждающийся в медицинской помощи, всякий раз решает эту дилемму, опираясь на свои возможности и доступную информацию о сравнительных преимуществах имеющихся альтернатив. Эта простая модель послужила теоретической основой для анализа результатов проведенного социологического исследования.

Итоги опроса позволили обнаружить варианты расхождений двух обозначенных переменных в рамках «вектора» медицинской помощи (например, для жителей сельских территорий более актуальны проблемы пространственной и организационной доступности, для горожан – коммерциализации здравоохранения), однако в большинстве случаев платность и удаленность медицинской помощи накладываются друг на друга. Человек лишен возможности планирования затрат времени и средств на ее получение. Он вынужден искать оптимальный вариант соотношения «цена–дистанция» опытным путем, пробуя те или иные варианты. Полученные выводы свидетельствуют о неудовлетворительном качестве механизмов нивелирования информационной асимметрии между потребителем и поставщиком медицинских услуг в контексте отечественной системы здравоохранения.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of interests: author has no conflict of interests to declare.

Литература

1. Вялых, Н.А. Факторы воспроизводства социального неравенства в сфере потребления медицинских услуг // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 126-132.
2. Калашников, К.Н., Дуганов, М.Д. Платные медицинские услуги: бремя или альтернатива? // Проблемы развития территории. 2017. № 3 (89). С. 109-127.
3. Улумбекова, Г.Э. Здравоохранение России. Что надо делать. 2-е изд. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2015. 704 с.
4. Хиршман, А.О. Выход, голос и верность. М.: Новое издательство Москва, 2009. 156 с.
5. Akerlof, G.A. The Market for "Lemons": Quality Uncertainty and the Market Mechanism // The Quarterly Journal of Economics. 1970. Vol. 84. P. 488–500.
6. Funding health care: Options for Europe / edited by E. Mossialos [et al.]. Buckingham and Philadelphia: Open University Press, 2002. 329 p.
7. Kuhlthau, K.A. Measures of Availability of Health Care Services for Children // Academic Pediatrics. Vol. 11, Issue 3, Supplement, 2011.
8. World Bank. 1997. World Development Report 1997: The State in a Changing World. N.Y.: Oxford University Press. [Online] available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5980> (date of access: November 2, 2018).
9. Zeithaml, V.A., Parasuraman, A., Berry, L.L. Problems and Strategies in Services Marketing // Journal of Marketing. 1985. № 2 (49). P. 33.

References

1. Vyalykh, N.A. (2015) "Factors of reproduction of social inequality in the sphere of consumption of medical services", *Sociological Studies*, 11, 126-132 (In Russ.).
2. Kalashnikov, K.N., Duganov, M.D. (2017), What is Paid Medical Service: a Burden or an Alternative? // *Problems of territory's development*, 3 (89), 109-127 (In Russ.).
3. Ulumbekova, G.E. (2015), *Zdravookhranenie v Rossii. Chto nado delat'* [Health

care of Russia. What should be done], GOETAR-Media, Moscow, Russia (In Russ.).

4. Khirshman, A.O. (2009), *Vykhod, Golos i Vernost'* [Exit, Voice, and Loyalty], Novoe izdatelstvo Moskva, Moscow, Russia (In Russ.).

5. Akerlof, G.A. (1970), "The Market for "Lemons": Quality Uncertainty and the Market Mechanism", *The Quarterly Journal of Economics*, 84, 488-500.

6. Mossialos, E. (ed.) (2002), *Funding health care: Options for Europe*, Open University Press, Buckingham, Philadelphia.

7. Kuhlthau, K.A. (2011), "Measures of Availability of Health Care Services for Children", *Academic Pediatrics*, 11 (3), 231.

8. World Bank. 1997. *World Development Report 1997: The State in a Changing World*, Oxford University Press, N.Y. [Online] available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5980> (date of access: November 2, 2018).

9. Zeithaml, V.A., Parasuraman, A., Berry, L.L. (1985), "Problems and Strategies in Services Marketing", *Journal of Marketing*, 2 (49), 33

ОБ АВТОРЕ:

Калашиников Константин Николаевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Вологодский научный центр Российской академии наук, ул. Горького, д. 56а, г. Вологда, 160014, Россия; konstantino-84@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Konstantin N. Kalashnikov, PhD in Economics, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 56a Gorky St., Vologda, 160014, Russia; konstantino-84@mail.ru

УДК 94 (575.1)

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-3-0-2

M. Abdullaev

**PUBLIC REPRESSIONS AT THE INITIAL STAGE
OF AGRICULTURAL COLLECTIVIZATION
IN CENTRAL ASIA**

Andizhan State University, 129 Universitetskaya St., Andizhan, 170100, Uzbekistan;
Mualtfn@mail.ru

Abstract: The article examines the problem of the repressive policy of the Soviet authorities against dehkan farms in the initial period of the unified collectivization of agriculture in the Central Asian republics. The relevance of this topic is justified by the fact that the study of this problem at the level of new thinking and the approaches of modern historiography is of great importance for the development of science. In particular, an important contribution to the development of this sector can be made by studying such issues as the evolution of the policy of "socialist reconstruction" of the economy carried out by the Soviet state, the nature and significance of the policy of dispossession, the role of the Soviet punitive organs in disposing of dehkan farms. The article analyzes the directive acts and circulars of the Politburo of the Central Committee of the VKP(b) and the punitive organs of the Soviet government for the repression of dehkan farms. On the basis of the information report by the OGPU organs for 1930, the information on the liquidated counterrevolutionary organizations and groups, the number of punished and repressed "counterrevolutionary elements" and their social composition in the regions and districts of Central Asia have been summarized. Specific facts on violence and violations of the local organs of the Soviet authorities in carrying out the campaign "Elimination of the kulaks as a class" are given.

Keywords: repression; collectivization; dekulakization; OGPU; kulak farms; kulak exile; "anti-Soviet elements".

Абдуллаев М. Г.

**МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ В НАЧАЛЬНОМ ПЕРИОДЕ
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
В СРЕДНЕЙ АЗИИ**

Андижанский государственный университет, улица Университетская, 129,
г. Андижан, 170100, Республика Узбекистан; *Mualtfn@mail.ru*

Аннотация: В статье изучена проблема репрессивной политики советской власти против дехканских хозяйств в начальном периоде сплошной коллективизации сельского хозяйства в среднеазиатских республиках. Актуальность данной темы обосновывается тем, что исследование означенной проблемы на уровне нового мышления и подходов современной историографии имеет важное значение для развития науки. В частности, важный вклад в развитие данной отрасли может внести изучение таких вопросов, как эволюция проводимой советским государством политики «социалистической реконструкции» сельского хозяйства, сущность и значение политики раскулачивания, роль советских карательных органов (ОГПУ) в раскулачивании дехканских хозяйств. В статье проанализированы директивные акты

и циркуляры Политбюро ЦК ВКП(б) и карательных органов советской власти по репрессированию дехканских хозяйств. На основе информационной сводки органами ОГПУ за 1930 г., обобщены сведения о ликвидированных контрреволюционных организациях и группах, количестве наказанных и репрессированных «контрреволюционных элементов» и их социальный состав по районам и округам Средней Азии. Приведены конкретные факты по насилию и правонарушению местными органами Советской власти, проведения кампании по «ликвидации кулачества, как класса».

Ключевые слова: репрессия; коллективизация; раскулачивание; ОГПУ; кулацкие хозяйства; кулацкая ссылка; «антисоветские элементы»/

It is well known that the Soviet government's aggressive collectivization of agriculture and the "termination of rich people as class" began to be intensified since its inception. The collectivization movement began with a rapid "revolutionary" movement of the Bolshevik government, with the use of violence and repression against the masses.

The information materials of the OGPU (United Nations Political Administration) bodies from 1930 to 1934 clearly reflected the political view of their era. In them, Repressive policies of Stalin's leadership on the country's major peasants were clearly manifested.

The secretive OGPU reports of 1930 also focused on mass repression of dehqan farms – the "dispossession of the kulaks". Hence, the Directive No. 771 of the OGPU, dated January 11, 1930, was a prelude to the massive crackdown on the kulaks. According to this, the repressive measure was intended not only to the rich people, but also to the broader application of sanctions against "organizations, groups, individual criminals" and those called "kulaks, bandits" that clearly defined the directive. This directive was sent to all OGPU representative offices and sent to the center by January 14, immediately detecting agent information on the number of groups, gangs, organizations and individuals belonging to "kulak-bandit" groups [7, p. 71].

Scientific literature states that in some regions, practical work has begun to end earliest dehqan farms since January 11, 1930. However, dispossession of the kulaks in the country officially began after the Directive of the Political Bureau of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union

of 30 January 1930, "On measures to eliminate kulak farms in areas of complete collectivization". In this decision rich people were divided into categories and the rate of repression on categories was determined. It was established that the first group consisted of "anti-rebellion activists" – terrorist actors and anti-Soviet activists – had to be imprisoned and sent to concentration camps as political offenders or subjected to high fines. Their families were deported to special settlements in remote areas of the country. These territories were also forced to descend into the second category, such as "big rich people, semi-traffickers and active resistance against collectivization", with their families.

The remainder of the rich people (Type 3) is resettled in the country or region in which it is living, to the outskirts of the collective farm. It was pointed out that the total number of adults should be 3–5 % of all dehqan farms. However, the number of "limited contingents" in categories 1 and 2 was shown: from the main agricultural districts of the country, the first category was 60,000, the second category – 150,000 farms [8, p. 325-328].

The decree stated that "in the collective zones of collective action it was necessary to immediately deprive, and in the rest of the regions – to increase the scale of collectivization." Urgent measures include "confiscation of the farms, cattle, houses, farms and grain stores".

The first step in dispossession was fully reflected in the information of the Secretariat-Operational Department of the OGPU. This department created 68 special reports on dis-

possession categories from 31 January to 24 April [2, p. 312]. The dynamics of earnings in Type 1 are distributed across the districts throughout the USSR. It is important to note that there were statistically significant numbers of prisoners and the number of shocked social and political groups.

According to the special report No.2 of the Secretariat of the OGPU, from January 31 to February 16, 162 people were detained in Central Asia. In particular, 2 anti-rebellion organizations, 13 groups (278 members of the group) were seized and 5 weapons were confiscated. The social structure of the detainees is as follows: rich people – 65 people, common people – 33 persons, poor – 31 people, church staff – 3 people, merchants – 1 person, "formers" – 1 person, officials – 20 people, "others" – 2 people. According to the whole Union, up to February 16, 1930, 6,4589 people were arrested, 51 anti-trust organizations and 1183 groups were dissolved [10, p. 93].

While paying attention to the special reports, it is clear that the OGPU Communist Party of Central Committee Political Initiative carried out its instructions dated January 30 right from January 31. The special report No. 16, dated February 15, states that 64 589 people were imprisoned in the country, of which 52 166 were classified as 1-category. It is clear from the information that prisoners are poorer peasants, former traders, former "white men", religious workers, village intellectuals and employees, as well as unidentified persons, "unidentified" and "others" [7, p. 9].

According to the order of the OGPU No. 44/21 of February 2, 1930, "On measures of classifying rich people", an autonomous representation of OGPU was composed of "triple" consisting of the representatives of the Communist Party of Central committees and prosecutors on the case study of Type 1 prisoners.

The structure of the political triplets is confirmed by the OGPU Board. Operational tips were also created under the direct mandate of the OGPU autonomous representation

authority to direct the work related to the exit of rich people and family members of category 2. Operational flights were also created in the regions, districts and OGPU district divisions under the guidance of heads of divisions [4, p. 67].

The OGPU Directive on January 11, 1930, continued without detention. By March 9, 1930, more 46 anti-terrorist groups were liquidated in Central Asia, with 298 detainees. Also, a single group was abducted and eight were arrested, and 525 persons were imprisoned individually. 650 rich people, who escaped, were also arrested. A total of 831 people was arrested during the operation (between 16 February and 9 March). As of March 9, 1930, the number of Central Asians and 993 individuals were detained. Particularly, two anti-trust organizations were abolished and 17 of them were arrested and 59 were abducted, of which 337 were detained, 8 were detained and one was abducted, 8 of them were 631 and 650 were escaped [5, p. 287-288].

According to the March 20, 1930 autonomous representation of OGPU in Central Asia, as a result of operative work from February 19 to February 17, 1930, the termination of the "anti-rebellion" active in the region was performed as follows:

The total number of "anti-rebellion activists" arrested in the Andizhan Region was 607 people. Of these, 257 were rich, 31 mullahs, 22 merchants, 54 medium status peasants, 33 poor people, and social status of the rest was not identified. Poor and medium-status farmers were arrested as part of mass protests. Out of those arrested, eight were members of the Soviet-era party, who were detained for allegedly leaving the party. All detainees were gathered in Andizhan prison [1, p. 59].

Organizers and activists of 164 mass protests in the Ferghana region were arrested. There is no information about their social content.

In the Bukhara region, 156 people were arrested. 67 of them were rich, 5 were mullahs, 63 were middle-aged, 17 were poor, 4

had no social affiliation. Poor peasant farmers in this region were also subjected to repression for their involvement in the rallies.

In the Samarkand region, 127 people were detained, of which 81 were rich, 10 were mullahs, 23 were middle-aged and 13 were poor farmers.

123 people were arrested in the Kashkadarya region. 50 of them were rich, 8 were mullahs, 16 merchants, 18 peasants, 7 poor dehkans, 7 party and Soviet workers.

18 people were arrested in the Khorezm region on March 12-13. 8 of them were rich, 3 mullahs, 1 merchant, 4 small peasants, and 2 poor dehkans.

In total, 1195 people were arrested in Uzbekistan. 51 anti-nationalist groups were dissolved in the country, and 385 members of the general list were imprisoned.

126 people were detained in Tajikistan. 70 of them were rich, 12 mullahs, 3 merchants, 13 farmers, 20 poor peasants, 1 Soviet employee. 15 antithesis groups were abolished and 108 were arrested.

420 people were arrested in Kyrgyzstan.

In Turkmenistan, 281 people were arrested. Among them 180 were rich, 6 mullahs, 1 merchant, 77 medium status peasant, 14 poor dehkans, 4 were those whose social status was not identified.

Throughout all Central Asian republics (except Tashkent, Zarafshan, Surkhandarya regions), 2022 people were arrested [9, p. 216-217].

During the operation of dispossession of the kulaks from April 24, 1930, the number of dissolved anti-campaign organizations, groups, gangs and detainees in Central Asia was as follows:

Type 1 prisoners – 2350 people; the liquidated counter-terrorism organizations – 2, members of the detained organization – 17 people; dismissed anti-trilobites – 89, members of the detained group – 917 persons; imprisoned persons – 1,416 people; the total number of abducted gangs – 22, the detainees – 1539 [7, p. 140].

On the whole, in the USSR, on April 24, 1930, 123,716 people were imprisoned on

Type 1. That is, arrests of this category were carried out more than twice the amount specified by the decision of the Communist Party Political Bureau dated 30 January 1930.

In the earliest stage of the operation, not only heads of the household were arrested, but also their proper working children were arrested too. The rest of the family was deported to the special settlements along with the second-class rich people.

Detailed information on the results of the first stage of dispossession activities is contained in reports of the OGPU Operational Groups. Its report on May 20, 1930, said that 123,716 people were repatriated with type 1 without family members. The number of families taken as a result of the second category was 99,013, with total of 491,893 persons. According to another information source of the beginning of 1931, in the first half of 1930, 113,027 families were exiled with Type 2 [3, p. 37]. However, mass emanation of the rich people's families of the Central Asian republics had not yet started.

Finally, when it comes to the number of migratory rich people's families with Type 3 category, some of the information is contained in its reports, although it is not the case with the OGPU. According to unclear data, by May 1930, 26333 families (138 182 persons) were resettled in accordance with Type 3 [6, p. 378].

The information presented here is very important from the point of view of the destiny of the repressed farmers. They reveal the socio-political situation created by the Stalin-led Communist Party. Only those who have been repatriated by the first category have only information about the amount of the ones, who were sent to the GULAG camps. Unfortunately, there is no accurate data on the number of convicts under Type 1. Because during this period the shooting was carried out through the "triplets" and trials in the OGPU line.

As it is seen from the information presented, the majority of the repressed were the 2nd category rich people with their family members. Family members of Type 1 type

were added to them. Issues such as where to send, where and under what circumstances these families should be settled, the Political Bureau of the Central Committee of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union adopted the decision of the USSR Central Committee for the Consolidation of Socialist Repatriation and Tuberculosis in February 1, 1930 "The decision was taken without any response" [8, p. 335].

The "Termination of rich people as a class" operation was interpreted as the "elimination of extremist bandits" in the activities of the OGPU. The richest, selfish suburban areas of the village were originally declared as "anti-rebellion, anti-Soviet" and settled in the first place to be terminated. The first object of the OGPU repressive activity was not rich people, but "anti-rebellion, anti-Soviets". However, these terms had nothing to do with the village at this time.

This tragic process, which was set up by the Soviet government in the villages, put all the villagers into a vein. Many dehkan farmers fled their homes and villages and abandoned their homes. As a result of the collectivization, violence in the process of "dispossession of the kulaks", the outflow of the rural population also worsened. In particular, in the period from January to February 1930, 185 families left Turkmenistan, 64 families left Tajikistan, and 6 migrants left Kyrgyzstan. The bulk of the departure abroad was the share of massively collectivized areas. Most immigrants left for East Turkestan [7, p. 165].

In addition, in almost all the parts of Central Asia, it was possible to find dehkan families and individual "rich refugees" who had been escaping from their village, looking for shelter from other cities and villages. However, these were also subjected to torture by the Soviet authorities. OGPU Deputy Chairman G. Yagoda on February 22, 1930 in Tashkent – sent a telegram to the OGPU on behalf of the Central Asian autonomy V.A. Karutsky on charges of seizure of single echelon in Central Asia, grouping 2-3 wagons to exile to Siberia, the refugees were detained for their exile in Kazakhstan and they were

ordered to be deported to the area immediately after their exile was announced [9, p. 187].

So far, the Soviet government literally declared war on the rural population from the early days of the massive collectivization of agriculture. While this process was called an "operation against rich people" in the UNPA secret documents, repression was directed against all social groups in the village. Many peasants belonging to medium status and the poor status were basically charged with false accusations such as "anti-rebellion", "anti-Soviet" and "basmach". At the same time, the repressive measures were applied not only to the heads of the household, but also to all their family members - infants in the cradles.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

References

1. Abdullaev, M.G. (2018), *Urta Osiyodagi mahsus posiolkalar tizimi va surgun kilingan kuloklar takdiri (1930-1954 yillar)* [The system of special settlements in Central Asia and the fate of exiled kulaks (1930-1954)], Academy, Tashkent, Uzbekistan (in Uzbek.)
2. *Dokumenty svidetelstvuyut: iz istorii derevni nakanune i v hode kollektivizatsii 1927-1932 gg. Sbornik dokumentov (1989)* [Documents show: from the history of the village on the eve and the course of collectivization. 1927–1932. Collection of documents], Politizdat, Moscow, Russia (in Russ.)
3. Zemskov, V.N. (2003), *Specposelency v SSSR 1930-1960* [Special settlers in the USSR 1930-1960], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.)
4. Ivitsky, N.A. (2004), *Sud'ba raskulachennykh v SSSR* [The fate of the dekulakized in the USSR], Collection, Moscow, Russia (in Russ.)
5. *Lubianka. Stalin i VChK-GPU-OGPU-NKVD yanvar' 1922 – dekabr' 1936. Rossiya XX vek. Dokumenty (2003)*, [Lubyanka. Stalin and the ChK-GPU-OGPU-NKVD. January 1922 – December 1936. Russia The twentieth century. Documentation], Mainland, Moscow, Russia (in Russ.)

6. *Politburo i krestianstvo: vysylka. 1930-1940. V 2 knigah. Kn. 2* (2006), [Politburo and the peasantry: expulsion, special settlement. 1930-1940. In 2 books. Book 2.], ROSSPEN, Moscow, Russia (in Russ.)

7. *Sovetskaya derevnia glazami VChK-GPU-OGPU-NKVD. 1918-1939. Dokumenty i materialy v 4-h tomah. Tom 3. 1930-1934 gg. Kniga 1. 1930-1931 gg.* (2003), [Soviet village through the eyes of the ChK-OGPU-NKVD. 1918-1939. Documents and materials in 4 volumes. Volume 3. 1930-1934. Book 1. 1930-1931] in A. Berelovich, V. Danilov (ed), ROSSPEN, Moscow, Russia. (in Russ.)

8. *Tragediya sovetskoy derevni: kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy. 1927-1939. V 5 tomah. T. 2. Noyabr' 1929 – dekabr' 1930.* (2000), [The tragedy of the Soviet village: collectivization and dekulakization. Documents and materials. 1927-1939. In 5 volumes. Volume 2. November 1929 – December 1930], ROSSPEN, Moscow, Russia (in Russ.)

9. *Tragediya sredneaziatskogo kishlaka kollektivizatsiya, raskulachivanie, ssylka 1929-1955 gg. Dokumenty i materialy v 3-h tomah. Tom 1.* (2006), [The tragedy of the Central Asian kishlak: collectivization, dekulakization, exile. 1929-1955. Documents and materials. In 3 volumes. Volume 1.], in D. Alimova (ed), East, Tashkent, Uzbekistan (in Russ.)

10. Shamsutdinov, R.T. (2003), *Kishlok fozheasy: zhamoalashtirish, kuloklashtirish, surgun (Urta Osiyo respublikary misolida)* [Village tragedy: collecting, listening, exile (on the example of Central Asian republics)], Shark, Tashkent, Uzbekistan (in Uzbek.)

11. Shashkov, V.Ya. (1996), *Raskulachivanie v SSSR i sud'by specpereselencev 1930-1954 gg.* [Dispossession in the USSR and the fate of special settlers. 1930-1954], Murmansk, Russia (in Russ.)

Литература

1. Абдуллаев, М.Ф. Ўрта Осиёдаги махсус посёлкалар тизими ва сургун қилинган кулоқлар тақдири (1930–1954 йиллар). Ташкент: Академнашр, 2018. 352 с.

2. Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и ходе коллективизации. 1927–1932 гг. Сборник документов / Сост. В.П. Данилов и др. Под ред. В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого. М.: Политиздат, 1989. 526 с.

3. Земсков, В.Н. Спецпоселенцы в СССР 1930–1960. М.: Наука, 2003. 306 с.

4. Ивницкий, Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. М.: Собрание, 2004. 298 с.

5. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД январь 1922 – декабрь 1936. Россия XX век. Документы. М.: Материк, 2003. 912 с.

6. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940. В 2 книгах. Кн. 2 / Отв. ред. Н.Н. Покровский, В.П. Данилов, С.А. Красильников, Л. Виола. М.: РОССПЭН, 2006. 1120 с.

7. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы в 4-х томах. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2003. 864 с.

8. Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927-1939. В 5 томах. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000. 928 с.

9. Трагедия среднеазиатского кishlaka: коллективизация, раскулачивание, ссылка 1929-1955 гг. Документы и материалы. В 3-х томах. Т. 1. / Сост.: Р.Т. Шамсутдинов, Б.М. Расулов. Под ред. Д.А. Алимовой. Ташкент: Шарк, 2006. 656 с.

10. Шамсутдинов, Р.Т. Қишлоқ фожеаси: жамоалаштириш, кулоқлаштириш, сургун (Ўрта Осиё республикалари мисолида). Ташкент: Шарк, 2003. 544 с.

11. Пашков, В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев. 1930-1954 гг. Мурманск: 1996. 280 с.

ABOUT THE AUTHOR:

Muzrobjon Abdullaev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History of Uzbekistan, Andizhan State University, 129 Universitetskaya St., Andizhan, 170100, Uzbekistan; Mualtfn@mail.ru

ОБ АВТОРЕ:

Абдуллаев Музробжон Гуламович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории Узбекистана, Андижанский государственный университет, ул. Университетская, 129, г. Андижан, 170100, Республика Узбекистан; Mualtfn@mail.ru

УДК 929.52

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-3-0-3

Московкин В. М.

**ЛОКАЛИЗОВАННЫЕ КОЛЛЕКТИВНЫЕ
ВОСПОМИНАНИЯ: GOOGLE SCHOLAR-ЭКСПЕРИМЕНТЫ
И ЭЛЕМЕНТЫ КОНСТРУКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ
ИСТОРИИ**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; moskovkin@bsu.edu.ru

Аннотация. Огромные пласты знаний в многовековой истории человечества были безвозвратно утеряны, ввиду того что они не были своевременно и надлежащим образом зафиксированы и сохранены для будущих поколений. Автор предлагает творческим людям оставить свой след в восстановлении потерянной памяти о прошлой жизни. Это предлагается делать с помощью написания и публикации в сети Интернет личных воспоминаний вместе с воспоминаниями друзей, знакомых и коллег. Параллельно предлагается изучение вклада в науку, культуру и другие сферы жизни этих людей на основе глубокого поиска в сети Интернет. Данный процесс автор называет генерированием локализованных коллективных воспоминаний, то есть генерированием коллективных воспоминаний, локализованных во времени и пространстве. Обосновывается необходимость выделения новой предметной области исследования под названием «конструктивная социальная история».

Ключевые слова: личные воспоминания; коллективные воспоминания; утраченная память; сеть Интернет; социальная история; социальная память; историческая память; человеческая история; восстановление знаний; карьерные траектории.

V. M. Moskovkin

**LOCALIZED COLLECTIVE MEMORIES: GOOGLE SCHOLAR
EXPERIMENTS AND ELEMENTS OF CONSTRUCTIVE
SOCIAL HISTORY**

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
moskovkin@bsu.edu.ru

Abstract. The article presents huge layers of knowledge in the long history of mankind which have been irretrievably lost, because they were not timely and properly documented and preserved for future generations. The author suggests that all creative people should leave their mark in the restoration of the lost memory of a past life. It is suggested to do this by writing and publishing on the Internet personal memories together with the memories of friends, acquaintances and colleagues. In parallel, we suggest studying the contribution to science, culture, etc. of these people on the basis of a deep search in the Internet. The author calls this process the generation of localized collective memories, that is, the generation of collective memories localized in time and space. The author justifies the necessity of allocating a new subject area of study entitled "constructive social history".

Keywords: personal memories; collective memories; lost memory; Internet; social history; social memory; historical memory; human history; knowledge recovery; career paths.

Введение

Из нашей жизни исчезли и продолжают исчезать огромные пласты знаний о жизнедеятельности прошлых поколений, что приводит к огромным лакунам в социальной и человеческой истории.

В работе, посвященной исследованию жизнедеятельности лауреата Нобелевской премии по экономике Семена Кузнецца, мы писали: «Гуманитарное знание о прошлом – не только на страницах газет, журналов и мемуарной литературы, в фондах архивов, музеев и библиотек, но и в живой памяти людей-свидетелей прошлых событий или сохранивших в этой памяти воспоминания своих друзей и близких об этих событиях. Но через несколько поколений эта память, а, следовательно, и знание о прошлом, тускнеет, и если оно не подкрепляется письменными свидетельствами, то и вовсе исчезает» [5].

Существующее авторское право критикуется за то, что его применение приводит к книжным братским могилам и сиротским произведениям, а следовательно, и к потерянной памяти о жизнедеятельности прошлых поколений (см. [3]).

Чтобы сделать доступным знание из книжных братских могил прошлых веков, Google запустил в 2005 г. проект по оцифровке всего книжного мирового наследия (120 млн. книг) с целью передачи его будущим поколениям (см. [16]).

Глубокий экскурс в историю проблем, касающихся феномена воспоминаний, исторической, коллективной и социальной памяти, сделал Ю.А. Арнаутков [1]. Он отметил, что к феномену воспоминаний впервые привлек внимание в середине XIX в. немецкий историк И.Г. Дройзен, который показал, что они являются сущностью и потребностью человека и общества, а следовательно – предметом и признаком истории. В 1925 г. французский социолог М. Хальбвакс в работе «Память и ее соци-

альные условия» развил тему воспоминаний в истории и показал, что в общественном сознании сильно представлены коллективные воспоминания, которые суть обусловленная современностью реконструкция прошлого. Таким образом, М. Хальбвакс приходит к пониманию воспоминаний как коллективного социального феномена или коллективной памяти. Он полагает, что коллективная память необходима для жизни и выживания общества [11]. Параллельно с М. Хальбваксом природу и функции коллективных воспоминаний изучал в 20-е годы XX в. немецкий историк искусств Аби Варбург, который интерпретировал произведения искусства как «изобразительные символы» культуры, созданные в «определенном кругу» и в «определенную эпоху». У него аналогом понятия «коллективной памяти» Хальбвакса является «социальная память» (см. [11]).

Как пишет Я.К. Ребане (см. [6]), введение в научный оборот и начало изучения понятия «социальная память» связывают с тем же М. Хальбваксом. В его концепции память – социальная конструкция, создаваемая в настоящем, понимаемая не как сумма воспоминаний отдельных лиц, а как некое коллективное культурное произведение, развивающееся под влиянием семьи, религии и социальной группы через языковые структуры, повседневные жизненные практики и общественные институты (см. [7, 12]). Она «конструирует систему общественных конвенций, в рамках которой мы придаем форму нашим воспоминаниям» [4, с. 15].

Согласно Хальбваксу, коллективная память существует в определенных рамках, при помощи которых она организует и констатирует повседневный опыт. Память образует в каждом отдельном случае замкнутую систему, элементы которой взаимно поддерживают друг друга (см. [6, 12]). В другом месте М. Хальбвакс под-

черкивает, что коллективная память оборачивается вокруг индивидуальных памятей, но не смешивается с ними. При этом последние ограничены достаточно узкими пространственными и временными рамками, в отличие от коллективной памяти, чьи рамки значительно шире. Важно отметить, что в своих работах этот автор не дает строгих определений различных видов памяти. Так, он различает две памяти, одну из которых называет внутренней, другую внешней, или первую личной, а вторую – социальной, и далее уточняет, что первую можно также назвать автобиографической памятью, а вторую исторической памятью (см. [11]). Он поясняет, что первая память использует вторую, так как история нашей жизни является частью общей истории, причем вторая память шире первой и представляет прошлое в сокращенной и схематической форме.

В целом анализ работ Мориса Хальбвакса показывает, что он отождествляет понятия коллективной, социальной и исторической памяти; прямо об этом написано в работе [11]. Добавим от себя, что вся сохранившаяся материальная культура, включая древние памятники, художественное, архитектурное, печатное, рукописное и другое наследие, а также устная культура и история, составляют суть исторической памяти. Следует подчеркнуть многозначность определений вышеуказанных понятий. Например, если для М. Хальбвакса социальная память – это социальная конструкция [12], то для К. Крамли – «это средства, с помощью которых информация распространяется среди индивидов и передается от одного поколения к другому» [15]. Отметим также, что существенный вклад в развитие концепции социальной памяти сделали Я.К. Ребане [6, 7] и В.А. Колеватов [4].

Что касается социальной истории, которая изучает выше упомянутые вопросы, связанные с социальной, коллективной и исторической памятью, то, как будет показано в основной части работы – это весь-

ма развитая область исследований, насчитывающая более полутора миллионов англоязычных публикаций. Эссе о трактовке социальной истории как истории самой полной и всеобъемлющей Теодор Зельдин опубликовал в 1976 г. в *Journal of Social History* [22], в переводе на русский язык оно опубликовано в 1993 г. в журнале *Thesis*.

Ниже мы расскажем о проделанных экспериментах с поисковой системой Google Scholar в контексте рассматриваемой терминологии, а также предложим конструктивный подход, позволяющий узнавать и реконструировать прошлое в условиях развития Интернета и социальных сетей.

Основные результаты исследования

О популярности вышеуказанной проблематики можно судить по нашим экспериментам в поисковой системе Google Scholar, в которой мы протестировали все значимые для нашего исследования термины на русском и английском языках (таблица). Как видим из этой таблицы, на запросы англоязычных терминов было получено в целом на один-два порядка больше откликов по сравнению с запросами соответствующих русскоязычных терминов.

Так как наше исследование носит инструментальный и конструктивный характер, то интересно выяснить, насколько развиты области конструктивной социологии и конструктивной истории. При тестировании первого термина в Google Scholar мы получили всего пять откликов (таблица). Наибольший интерес здесь представляет работа Ю.М. Резника [8], в которой социология жизни рассматривается как исследовательская перспектива и область междисциплинарного синтеза. В рамках этой социологии он выделяет деятельностьную и конструктивную социологию, которая не только вырабатывает представления о путях преодоления отчужденного отношения людей к социальным знаниям, но и активно вовлекает их в процесс совместного конструирования социальной реальности.

Таблица. Расширенный поиск в Google Scholar в строке «Точное словосочетание».
23 ноября 2017 г.
Table. Advanced search in Google Scholar in the string "Exact phrase".
23 November 2017

Термин / Term	Количество откликов / Number of responses		Термин / Term	Количество откликов / Number of responses	
	Поиск по всему доку- менту / Search the entire docu- ment	Поиск по заголовкам документа / Search by the titles		Поиск по всему доку- менту / Search the entire docu- ment	Поиск по заголовку документа / Search by the titles
Историческая память	13600	633	Historical memory	80900	1890
Коллективная память	3010	88	Collective memory	159000	3770
Социальная па- мять	2940	155	Social memory	53000	1630
Индивидуальная память	494	3	Individual memory	62700	235
Личная память	203	1	Personal Memory	26400	280
Коллективные воспоминания	160	2	Collective memories	165	5
			Collective reminiscences	79	1
Индивидуальные воспоминания	133	0	Individual memories	552	0
			Individual reminiscences	286	0
Личные воспо- минания	1700	52	Personal memories	12600	274
			Personal reminiscences	18900	877
Социальная ис- тория	9720	316	Social history	1530000	26400
Конструктивная история	219	0	Constructive history	456	7
Конструктивная социология	5	0	Constructive Sociology	146	7
Конструктивная социальная ис- тория	0	0	Constructive social history	2	0

На запрос Google Scholar англоязыч-
ного термина «Constructive sociology» мы
получили 146 откликов и 7 откликов при

поиске по заголовкам документов (см.
табл.). Среди них наиболее цитируемой яв-
ляется статья норвежца Yngvar Lóchen «От

критической к конструктивной социологии», опубликованная в «European Journal of Social Science Research» в 1990 г. [18].

Значительно больше откликов мы получаем на запрос в Google Scholar терминов «конструктивная история» и «constructive history». В первом случае мы получаем 219 откликов, во втором – 45 (см. табл.). Из анализа всего потока англоязычных публикаций по конструктивной истории мы видим, что это междисциплинарная область исследований, как и конструктивная социология, проводимая на стыке истории с археологией, архитектурой, антропологией, этнографией, экономикой, психологией и теологией.

Интересное определение конструктивной истории дал в 1997 г. в Journal of Modern Greek Studies грек V. Lambropoulos. В анализе уменьшения интереса к современным греческим исследованиям (Modern Greek Studies) он предположил, что в этой ситуации нам нужна новая парадигма, и в качестве нее может быть предложена конструктивная история – история позитивных и успешных конструкций во всех дисциплинах [см. 17]. Данное определение цитируется также со ссылкой на работу [17] в другой греческой статье из этого же журнала [см. 21].

Сам термин «constructive history» восходит к тридцатым годам XIX в. Его можно встретить в известной работе J. Britton «Cathedral Antiquities», опубликованной в 1836 г. [13]. Этот уникальный пятитомный труд с 311 гравюрами и рисунками оцифрован 5 марта 2012 г. Баварской государственной библиотекой и представлен в открытом доступе в сети Интернет. В работе М. Brooks, посвященной Раскину, Патмору и природе готики, опубликованной в 1979 г., можно прочитать следующее: «В 1851 году в Crystal Palace Патмор сделал удивительное заявление, что “конструктивная история архитектуры практически полностью исчерпана”» [14].

Синтезируя из двух рассмотренных терминов «constructive sociology» и «constructive history» термин «constructive social

history», мы в Google Scholar нашли только две публикации, где этот термин упоминается, и то вскользь (см. табл.).

Так в работе [20] отмечается, что исследования по социотехническим переходам фокусируются на исторических примерах социотехнических изменений в различных областях, таких как транспорт, здравоохранение, системы фабричного производства. Далее указывается, что из-за выбранных временных рамок принятый методологический подход был назван «constructive social history» как основанный на использовании исторических исследований в вышеуказанных областях. Данный подход иллюстрируется примером возникающих устойчивых инновационных сетей, в качестве которых выбраны сети электронных книг. Результаты данного исследования, опубликованные в 2008 г., явились частью работ, выполненных в рамках 6-ой Рамочной программы ЕС по исследованиям и разработкам (см. [20]). Через год соавтор этого исследования Athina Peterou защищает по данной проблеме докторскую диссертацию «Перспективная сеть по социотехническим переходам: возникновение электронных книг» [19], в которой также использован вышеуказанный термин в качестве обозначения методологического подхода. В данном исследовании электронная книга рассматривается как социотехническая сеть, к анализу которой применяется математический инструментальный Social Network Analysis, теории графов и кластерного анализа. Мы также полагаем, что наше исследование находится в рамках разработки методологического подхода и инструментария конструктивной социальной истории.

Важно отметить, что на Западе исследования по рассматриваемой проблематике проводятся также в рамках memory studies. В этой интенсивно развиваемой области социогуманитарного знания существует своя научная периодика, тематические конференции, учебные курсы и пособия (см. [2]). О развитии кластера научных публикаций, порожденного термином “memory studies”, ярко говорит тот факт, что на за-

прос этого термина в расширенном поиске Google Scholar с точной фразой мы получили 41 600 откликов, из которых 602 относятся к заголовкам публикаций (запрос проводился 20 июня 2018 г.). С помощью экспериментов в Google Scholar нами показано, что этот же термин параллельно используется и с другими терминами, приведенными в табл. 1, то есть все термины, приведенные в этой таблице, относятся к одной области исследований.

В работе [9] отмечается, что интерес к этой тематике возник в России после распада СССР, в том числе и в рамках конструктивной парадигмы, связанной с реконструкцией исторических представлений советского/российского общества в период 1965–2007 гг. Таким образом, эта тематика хорошо ложится в обосновываемую нами научную дисциплину под названием “конструктивная социальная история”.

Рассмотрим теперь конструктивный подход в восстановлении знания о прошлом. Возьмем за основу личные воспоминания отдельного индивидуума и предложим ему запустить процесс генерирования множества личных воспоминаний представлениями его бывшего и настоящего окружения. Следовательно, здесь мы имеем дело с индивидуумом – стимулятором или инициатором множества личных воспоминаний, включая собственные воспоминания. В итоге мы приходим к локализованным коллективным воспоминаниям, относящимся к конкретному промежутку времени и местоположению, то есть, мы имеем коллективные воспоминания, локализованные в пространстве и времени. Представим теперь, что у нас имеется множество стимуляторов локализованных коллективных воспоминаний, тогда всю совокупность сгенерированных воспоминаний, в первом приближении, можно назвать коллективной памятью. Здесь мы отдаем себе отчет, что это грубое приближение, так как считается, что коллективные воспоминания не являются простой суммой индивидуальных воспоминаний (см. [12]).

В решении задачи восстановления знания о прошлом очень важны воспоминания людей, опубликованные обычным образом или сразу же выставленные в сети Интернет. Но воспоминания в условиях развития Интернета и социальных сетей должны писаться совсем не так, как это делалось раньше. Здесь, кроме личных воспоминаний, должны быть воспоминания ваших бывших друзей и коллег, одноклассников и сокурсников, которых вы найдете (через Интернет и социальные сети) и опросите (через интервью по электронной почте или в социальных сетях) – это то, о чем мы писали ранее, говоря о человеке – стимуляторе множества личных воспоминаний.

Локализованные коллективные воспоминания о вашем школьном, вузовском или профессиональном окружении могут носить и некий исследовательский характер. Глубокий поиск в сети Интернет позволяет проследить карьерные траектории ваших бывших друзей, знакомых и коллег по работе, понять, кто из них достиг того или иного успеха в жизни. Для такого поиска необходимо использовать поисковые машины Google, Google Scholar и Google Books. Если окажется, что ваш давний друг, с которым вы потеряли когда-то связь, имеет публикации, индексированные в Google Scholar, значит, он сделал карьеру ученого. Отклики в Google Books при поиске книг ваших бывших друзей и знакомых покажут, что авторы этих книг сделали карьеру ученых, писателей, общественных деятелей и т. д. Но здесь необходима дополнительная работа по идентификации ваших бывших друзей, знакомых, одноклассников и вузовских сокурсников, чтобы отсеять однофамильцев. Для этого будет полезен расширенный поиск в Google. В строке «with the exact phrase» (точная фраза) в Google.com или в строке «словосочетание» в Google.ru вы набираете разные варианты написания фамилии: И.И. Иванов, Иванов И.И., Иван Иванович Иванов и т. д. В строке ниже («по крайней мере, одно слово») можно будет набрать, например, название города или

школу, где вы ранее жили или учились. Здесь также будут полезны социальные сети.

Такой поиск может сразу вывести на профиль человека, о котором вы ищите информацию в сети Интернет, в какой-либо базе данных или на каком-либо сайте в Википедии. Целесообразно также тестировать различные варианты записей фамилий на английском языке в надежде найти профиль бывшего вашего друга или знакомого в зарубежных социальных или академических сетях.

Если вышеуказанный подход в написании воспоминаний возьмут за основу множество людей, то удастся восстановить белые пятна в новейшей социальной и человеческой истории. А чтобы это восстановленное гуманитарное знание стало легкодоступным, необходимо для такого рода произведений создавать социальные репозитории открытого доступа. Дело в том, что сейчас начинает доминировать мнение: «Чего нет в сети Интернет, того не существует в природе».

В рамках рассматриваемого конструктивного подхода поставим формализованную задачу о восстановлении знания о прошлой школьной жизни в пределах города. Пусть в каком-то городе имеются n общеобразовательных школ, по крайней мере, с 60–70-тилетней историей. Допустим, мы хотим сгенерировать индивидуальные воспоминания об этих школах, их выпускниках и учителях за m -летний период времени до распада СССР. В каждой школе выберем k наиболее инициативных выпускников, активно работающих в социальных сетях. Пусть каждый из них охватит через эти сети в среднем f своих одноклассников. Тогда теоретически мы получим $I_m = n \times m \times k \times (f+1)$ индивидуальных воспоминаний, где m – временной интервал, на котором будут писаться воспоминания. Здесь прибавление единицы к f говорит о том, что инициатор генерирования воспоминаний их пишет тоже. Помимо самих воспоминаний, в таком социальном эксперименте целесообразно поставить некоторые общие вопро-

сы, типа: назовите лучших учителей, назовите лучших одноклассников, назовите наиболее значимые события, которые имели место в вашей школе и др. Такие вопросы помогут выработать согласованные коллективные мнения.

Допустим, в городе имеется $n=20$ среднеобразовательных школ. Возьмем 10-тилетний промежуток времени ($m=10$) с 1960 по 1969 год включительно, выберем в каждом году по три наиболее инициативных выпускника ($k=3$), каждый из которых берется опросить пятнадцать ($f=15$) своих одноклассников и запросить от них воспоминания. Тогда мы получим $I_m = 20 \times 10 \times 3 \times (15+1) = 9600$. Таким образом, в результате такого социального эксперимента мы получим чуть менее тысячи индивидуальных воспоминаний, которые в совокупности дадут достаточно объективную картину школьной жизни города за 20-летний период времени (выпускники 1960 г. будут писать свои воспоминания за весь десятилетний период обучения, то есть, начиная с 1950 г.). В общем случае мы будем иметь $(m+10)$ -летний исторически реконструированный период времени. Аналогичная формализованная задача может ставиться и при восстановлении знания о прошлой вузовской жизни города.

Рассмотрим несколько другой конструктивный подход в восстановлении прошлого знания с помощью социальных сетей. Множество людей проводят много времени в этих сетях, и очень часто это время тратится без всякой пользы. Но желание людей тратить время на поиск одноклассников и сокурсников с целью общения и воспоминаний о былой дружбе можно направить и в конструктивное русло. Среди этих людей всегда найдутся те, которые захотят структурировать и систематизировать процесс такого общения. Заготовив определенные шаблоны, они могут попросить остальных дать краткие сведения о себе, о своем карьерном росте, попросить предоставить воспоминания о своей школьной или студенческой жизни, о своих преподавателях и др. Таким

образом, мы придем к постоянно развивающемуся живому журналу прошлой школьной или студенческой жизни. Здесь следует вести речь о двух отдельных социальных проектах – один для одноклассников, другой для вузовских сокурсников. Далее будем говорить о втором проекте. Если эта идея будет подхвачена выпускниками большинства постсоветских вузов, начиная, например, с 60-х годов, то представляется возможным создать беспрецедентный интегрированный электронный ресурс, который может быть использован будущими поколениями историков, социологов, биографов и краеведов для написания полноценной истории развития университетской жизни. Полученный эмпирический материал может быть использован для сравнительного и пространственного анализа качества высшего образования, университетских традиций, карьерных траекторий наиболее успешных выпускников, поколенческих характеристик и закономерностей и др.

Отметим, что идея подключения обычных граждан к широкомасштабным исследованиям не нова, сейчас в эпоху развития сети Интернет и социальных сетей за рубежом активно продвигаются проекты в «Citizen Science», когда в них участвуют волонтеры, для которых наука не является профессиональной деятельностью. Уникальным примером рассматриваемого конструктивного подхода восстановления знания о прошлом является труд [10], в котором содержатся большие пласты архивных материалов, впервые введенные в научный оборот, а также 140 воспоминаний руководящих работников и специалистов Белгородской области.

Стимулируя и организовывая процесс восстановления знания о прошлом, конструируя его определенным образом, можно говорить о конструктивной социальной истории как об отдельной области социальной истории, находящейся на стыке конструктивной социологии и конструктивной истории, как отмечалось ранее. Помимо генерирования и конструирования коллек-

тивных воспоминаний, о чем мы писали выше, очень важно создание специальных репозитариев и библиотек открытого доступа, интернет-порталов для размещения таких коллективных воспоминаний, а также оцифровка всего значимого печатного и рукописного наследия, хранящегося в традиционных библиотеках, архивах и музеях.

Заключение

В работе проделан обзор публикаций по проблемам феномена воспоминаний, социальной истории, исторической, коллективной и социальной памяти. Он был подкреплен экспериментами в Google Scholar по тестированию около тридцати русскоязычных и англоязычных терминов. В контексте данного исследования особая роль была отведена тестированию в Google Scholar терминов «конструктивная история», «constructive history», «конструктивная социология», «constructive sociology» и идентификации наиболее важных публикаций, в которых используются эти термины. На основе этих терминов синтезирован термин «конструктивная социальная история» («constructive social history») и показано наличие только двух англоязычных работ, использующих данный термин в качестве методологического подхода при изучении возникающих устойчивых инновационных сетей в историческом контексте. В этих двух работах электронная книга рассматривается как социотехническая сеть, к анализу которой применяется математический инструментальный Social Network Analysis, теории графов и кластерного анализа.

Мы также полагаем, что наше исследование проделано в рамках разработки методологического подхода и инструментария для конструктивной социальной истории. В данном исследовании этот методологический подход назван конструктивным подходом в восстановлении знания о прошлом. В рамках этого подхода ставится формализованная задача о восстановлении знания о прошлой школьной жизни в пределах города, которая позволяет сгенерировать $I_m = n \times m \times k \times (f+1)$ индивидуальных воспоми-

нений и получить ответы на ряд общих вопросов, из которых может быть получено согласованное коллективное мнение. В этой формуле n – количество среднеобразовательных школ в городе, по крайней мере, с 60–70-летней историей, m – временной интервал генерирования индивидуальных воспоминаний, k – количество активных выпускников школ, иницирующих индивидуальные воспоминания своих одноклассников, f – количество иницируемых индивидуальных воспоминаний одним активным выпускником. В совокупности все рассчитанные индивидуальные воспоминания дадут достаточно объективную картину школьной жизни города за $(m+10)$ -летний период времени.

Аналогичная формализованная задача может ставиться и при восстановлении знания о прошлой вузовской жизни города.

Всем творческим людям, ориентированным на написание в зрелом возрасте своих воспоминаний, предлагается дополнять их воспоминаниями друзей, знакомых и коллег с одновременным изучением, с помощью глубокого поиска в сети Интернет, карьерных траекторий тех, о ком делаются воспоминания. Широкое использование этой идеи множеством творческих людей позволит восстановить потерянную память и знания о прошлом. Такие локализованные коллективные воспоминания исследовательского характера целесообразно размещать в специальных репозиториях открытого доступа. Когда мы говорим о локализованных коллективных воспоминаниях, мы подразумеваем, что они относятся к конкретному промежутку времени и месторасположению, то есть эти коллективные воспоминания локализованы в пространстве и времени.

Генераторами локализованных коллективных воспоминаний могут быть также не отдельные личности, а целые коллективы. Например, если бы их генерировали университетские кафедры, то в дополнение к официальной истории университета, которая пишется языком сухих цифр, могла бы быть написана эмоционально окрашенная история, благодаря ярким вос-

поминаниям его выпускников, ученых и преподавателей.

Рассмотренной деятельности благоприятствует тот факт, что сетевое сообщество постепенно стареет, и у многих его представителей возникает потребность осмыслить свой жизненный путь, сравнивая прошлую жизнь с настоящей. Эту его потребность и следует направить в осмысленное русло – от пустого времяпровождения в социальных сетях к написанию социальной истории локальных интернет-сообществ. Этому будет способствовать и сама природа человека, который на склоне лет любит предаваться воспоминаниям о прошлом.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

Литература

1. Арнаутов, Ю.А. Культура воспоминания и история памяти // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. А.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С. 47-55.
2. Васильев, А. Memory Studies: единство парадигмы – многообразие объектов // Новое литературное обозрение. 2012. Вып.17. С. 461-480.
3. Засурский, И.И., Харитонов, В.В. Информационная сверхпроводимость: авторское право как инструмент развития // Электронное книгоиздание в России: проблема доступа и государственное регулирование. М.: НП «Ассоциация интернет-издателей»; Кабинетный ученый, 2016. С. 109-139 [Электронный ресурс] URL: <http://www.webpublishers.ru/?p=385> (дата обращения 02.07.2018).
4. Колеватов, В.А. Социальная память и сознание. М.: Мысль, 1984. 190 с.
5. Московкин, В.М. Неизвестный Семен Кузнец: переписка с его родственниками. В кн. Наука, технологии и Нобелевское движение: Материалы Нобелевского конгресса – 9-ой Международной встречи – конференции нобе-

листов. Тамбов: Издательство МИНЦ “Нобелистика”, 2010. С. 169-181.

6. Ребане, Я.К. Принцип социальной памяти // Философские науки. 1977. № 5. С. 94-104.

7. Ребане, Я.К. Социальная детерминация познания: Комплексная проблема исследования // Общественные науки. 1980. № 4. С. 105-112.

8. Резник, Ю.М. «Социология жизни» как новое направление междисциплинарных исследований // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 3-12.

9. Ростовцев, Е.А., Сосницкий, Д.А. Направления исследований исторической памяти // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 2. Вып. 2. С. 106-126.

10. Советское Солнце: Белгородчина в документах и воспоминаниях творцов, создателей, современников, очевидцев. К 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Том 1 (научно-мемуарное издание). Курск: МУП “Курская городская типография”, 2017. 832 с.

11. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / Пер. с фр.: М. Габович // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 16-50.

12. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. ст.: С. Зенкин. М.: Новое издательство, 2007. 343 с.

13. Britton, J. Cathedral Antiquities. Historical and Descriptive Account, with 311 illustrations of the following English Cathedrals. Vol. 1-5. London: M.A. Nattali, 1836.

14. Brooks, M. Yahn Ruskin, Coventry Patmore, and the Nature of Gothic // Victorian Periodical Review. 1979. Vol. 12, № 4. Pp. 130-140.

15. Crumley, C. L. Exploring Venues of Social Memory / J. J. Climo and M. G. Gafel (eds) // C. L. Crumley. Social Memory and History: Anthropological Perspectives. Walnut Creek: Alta Mira Press, 2002. Pp. 39-51.

16. Hayes, B. Bit Lit // American Scientist. 2011. Vol. 99, № 3. P. 190-194.

17. Lambropoulos, V. Modern Greek Studies in the Age of Ethnography // Journal of Modern Greek Studies. 1997. Vol. 15, № 2. Pp. 197-208.

18. Lóchen, Yn. From critical to constructive sociology // Innovation: The European Journal of Social Science Research. 1990. Vol. 3, № 1. Pp. 41-60.

19. Piterou, A. A network perspective on sociotechnical transition: The emergence of the electronic book. A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy. Brunel Business School. Brunel University. April 2009. 266 p.

20. Piterou, A. and Steward, F. Emerging sustainable innovation networks and the print-on-paper sociotechnical regime. Refereed Sessions V, Chapter 3. Proceedings: Sustainable Consumption and Protection: Framework for action, 10-11 March 2008, Brussels, Belgium. Conference of the Sustainable Consumption Research Exchange (SCORE!) Network, supported by the EU's 6th Framework Programme, 2008. Pp. 27-43.

21. Pourgouris, M. Poststructuralism, Comparativism and Modern Greek Studies // Journal of Modern Greek Studies. 2011. Vol. 29, № 1. Pp. 109-119.

22. Zelden, Th. Social History and Total History // Journal of Social History. 1976. Vol. 10, № 2. Pp. 237-245.

References

1. Arutyunov, Yu.A. (2006), “Culture of memories and history of memory”, in Repina, A.P. (ed), *Istoriya i pamyat': Istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni* [History and memory: the Historical culture of Europe before Modern Times], Krug, Moscow, Russia, 47-55 (in Russ.).

2. Vasiliev, A. (2012), “Memory Studies: unity of paradigm – variety of objects”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 17, 461-480 (in Russ.).

3. Zasurskiy, I.I. and Kharitonov, V.V. (2016), “Information superconductivity: copyright as a tool for development”, in *Elektronnoe knigoizdanie v Rossii: problema dostupa i gosudarstvennoe regulirovanie* [E-publishing in Russia: the problem of access and government regulation], Kabinetnyj uchenyj, Moscow, Russia, 109-139 [Online], available at: <http://www.webpublishers.ru/?p=385> (Accessed 2 June 2018) (in Russ.).

4. Kolevator, V.A. (1984), *Social'naya pamiat' i soznanie* [Social memory and consciousness], Misl', Moscow, Russia (in Russ.).

5. Moskovkin, V.M. (2010), “Unknown Semyon Kuznets: correspondence with his relatives”, *Nauka, tehnologii i Nobelevskoe dvizhenie: materialy Nobelevskogo kongressa – 9-oj mezhdunarodnoy vstrechi-konferentsii nobelistov* [Science, technology and the Nobel movement: Materials of the Nobel Congress-the 9th interna-

tional meeting-conference of the Nobel prize], Nobelistika, Tambov, Russia, 169-181 (in Russ.).

6. Rebane, Ya.K. (1977), "The principle of social memory. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 5, 94-104 (in Russ.).

7. Rebane, Ya.K. (1980), "Social determination of knowledge: a Complex problem of research", *Sotsial'nie nauki [Social science]*, 4, 105-112 (in Russ.).

8. Reznik, Yu.M. (2000), "Sociology of life as a new area of interdisciplinary research", *Sotsiologicheskie Issledovaniia [Sociological Studies]*, 9, 3-12 (in Russ.).

9. Rostovtsev, E.A. and Sosnitskiy, D.A. (2014), "Directions of research of historical memory", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Bulletin of St. Petersburg University]*, 2, (2), 106-126 (in Russ.).

10. Sovetskoe Solntse: Belgorodchina v dokumentah i vospominaniyah tvortsov, sozidateley, sovremennikov, ochevidtsev. K 100-letiyu Velikoy Oktiabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii. Tom 1 (nauchno-memuarnoe izdanie), (2017), [Soviet Sun: Belgorod region in documents and memories of creators, creators, contemporaries, witnesses. To the 100th anniversary of the great October socialist revolution. Volume 1 (scientific memoir edition)], Kurskaya gorodskaya tipografiya, Kursk, Russia (in Russ.).

11. Halbvaks, M. (2005), "Kollektivnaya istoricheskaya pamyat'" [La Mémoire collective], Translated by Grabovich, M, in *Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa [Memory of the war 60 years later: Russia, Germany, Europe]*, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 16-50 (in Russ.).

12. Halbvaks, M. (2007), *Socialnie ramki pamyati [Les Cadres sociaux de la mémoire]*, Translated by Zenkin, S., Novoe izdatelstvo, Moscow, Russia (in Russ.).

13. Britton, J. (1836), *Cathedral Antiquities. Historical and Descriptive Account, with 311 illustrations of the following English Cathedrals*. Vol. 1-5. M.A. Nattali, London, UK.

14. Brooks, M. (1979), "Yahn Ruskin, Coventry Patmore, and the Nature of Gothic", *Victorian Periodical Review*, 12, (4), 130-140.

15. Crumley, C.L. (2002), "Exploring Venues of Social Memory", in Climo J.J., Gattfel M.G. (ed.), *Social Memory and History: Anthropological Perspectives*. Walnut Creek: Alta Mira Press, 39-51.

16. Hayes, B. (2011), "Bit Lit", *American Scientist*, 99, (3), 190-194.

17. Lambropoulos, V. (1997), "Modern Greek Studies in the Age of Ethnography", *Journal of Modern Greek Studies*, 15, (2), 197-208.

18. Lóchen, Yn. (1990), "From critical to constructive sociology", *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, 3, (1), 41-60.

19. Piterou, A. (2009), A network perspective on sociotechnical transition: The emergence of the electronic book, Ph.D. Thesis, Brunel Business School, Brunel University, London, UK.

20. Piterou, A. and Steward, F. (2008), "Emerging sustainable innovation networks and the print-on-paper sociotechnical regime" *Referreed Sessions V, Chapter 3. Proceedings: Sustainable Consumption and Protection: Framework for action, 10-11, Conference of the Sustainable Consumption Research Exchange (SCORE!) Network, supported by the EU's 6th Framework Programme*, Brussels, Belgium, 27-43.

21. Pourgouris, M. (2011), "Poststructuralism, Comparativism and Modern Greek Studies", *Journal of Modern Greek Studies*, 29, (1), 109-119.

22. Zelden, Th. (1976), "Social History and Total History", *Journal of Social History*, 10, (2), 237-245.

ОБ АВТОРЕ:

Московкин Владимир Михайлович, доктор географических наук, профессор кафедры мировой экономики института экономики Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; moskovkin@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vladimir M. Moskovkin, Doctor of Geographical Sciences, Professor of the Department of Global Economy, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; moskovkin@bsu.edu.ru

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-3-0-4

D. Ilić, N. N. Petrov

SERBIAN DANCES FROM THE OEUVRE
OF JOSIP SLAVENSKI

University of Niš, 10 Kneževke Ljubice, Niš, 18000, Serbia; danijelailic1@yahoo.com

Abstract. The oeuvre of Josip Slavenski contains certain staves existing in larger, cyclical compositions and known as *Srpska igra* (Serbian Dance). This paper is an attempt to examine whether they contain the identical or just similar thematics, whether the same formal pattern was applied in all staves with this title, as well as the origin of this thematics in case it is novel. The comparative analysis applied in this paper contributes to the realisation of the way in which the composer expressed the Serbian folklore origin of the thematics and to what extent it influenced the choice of the formal framework, its structure and adequate harmonic and polyphonic solutions.

Key words: thematics; form; folklore; origin; harmonic and polyphonic solutions

Илич Д., Петров Н. Н.

СЕРБСКИЕ ИГРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ
ЙОСИПА СЛАВЕНСКОГО

Университет в Нише, Кнегиње Љубице, 10, г. Ниш, 18000, Сербия; danijelailic1@yahoo.com

Аннотация. В творчестве Йосипа Славенского существуют некоторые элементы в рамках более обширных, циклических произведений, которые выступают под одним и тем же названием – Сербская игра. В данной работе рассматривается вопрос происхождения тематического материала (если он оригинальный), использования такого же формального шаблона у всех элементов с таким названием. Разрешается также вопрос о том, идет ли речь об одном и том же, или подобном тематическом материале. Путем сравнительного анализа можно прийти к выводу о способах, использованных композитором для представления происхождения тематики из сербского фольклора, и насколько такая тематика повлияла на выбор формы, ее структуры, и обнаружение соответствующих гармонических и полифонических решений.

Ключевые слова: тематический материал; форма; фольклор; происхождение; гармонические и полифонические решения

“The period between the two world wars is characterised by a striking condensation of music occurrences since the works of various generations of composers appeared simultaneously, intertwined” [4, p. 94]. Besides the composers belonging to the so called “Belgrade School” and the proponents of Mokranjac (*Stevan Stojanović Mokranjac*) and his manner of composition, there created the composers who belonged to Expression-

ism, among whom Josip Slavenski (his full name was *Josip Štolcer-Slavenski*) was the most prominent one. He was born on May 11, 1896 in a small town of Čakovec (Croatia) [1, p. 350]. He started his music education in Varaždin and later went to Budapest, where he was instructed in composition by Zoltan Kodalj (*Zoltán Kodály*). Two years later, his thirst for knowledge led him to Prague where he was taught by composer Višeslav Novak

(Višeslav Novak), the pupil of Dvoržak (Antonín Leopold Dvořák). His further music education was continued in Paris, where he learned about the work of B. Bartok (*Béla Viktor János Bartók*). He returned to Zagreb but his stay and work there was rather brief, not even a year (1923/1924), after which he moved to Belgrade. He taught at a private music school, which is at present known as Music School “Mokranjac”, and since 1937, he taught at Secondary Music School, which was at that time under the supervision of Music Academy and which is at present named after him. During the period after the Second World War up to his death, on November 30, 1955, Josip Slavenski taught composition at Music Academy. His creative work was certainly influenced by the teaching of Zoltan Kodalj, his own knowledge of Bartok’s music, as well as the compositions created by his contemporaries, such as Strauss (*Richard Strauss*), Scriabin (*Alexander Nikolaevich Scriabin*), Schoenberg (*Arnold Schoenberg*), Debussy (*Achille-Claude Debussy*), Ravel (*Joseph Maurice Ravel*) and others.

Maria Bergamo (Maria Bergamo) emphasises three phases in the development of Expressionism in music:

- 1) Revolutionary (the beginning of the First World War),
- 2) Constructivist (from 1918 to 1925),
- 3) The stage in which Expressionism was no longer characterised by its distinct style and which developed after the Second World War [4, p. 17].

Describing the bold ideas of the forthcoming Expressionism, the same author believes that the most radical among the composers of the time was Josip Slavenski, whose work “was marked by boldness that other composers, nationally-oriented in their creation, were not ready to accept”. The elements of the first phase of Expressionism in Serbian music, which is believed to have lasted from 1932 onwards, are evident in the works of Josip Slavenski [4, p. 172]. “The power of the music expression of Josip Slavenski results from three principal factors mutually inter-

connected and belonging to the expressionist method: the expressionist reduction to folklore, the autonomy of the melodic element and the autonomy of the rhythmic element” [4, p. 67].

This composer used the titles of staves of his larger, cyclic compositions as the titles of the separate pieces, and vice versa. The same or similar folklore thematics is found in the compositions or staves with different titles but of the same geographical origin and vigour. The term “Serbian dance” (*Srpska igra*), as the title of the staff of a larger, cyclic composition, appears in the following works:

- 1) Symphonic suite “Balkanophonia” (*Balkanofonija*) (1926-1927) as the first staff of this cycle
- 2) Cycle known as “Balkan Dances and Songs” (*Igre i pesme sa Balkana*) (1927) as the eighth staff of the cycle named “Serbian Song” (*Srpska pesma*)
- 3) Symphonic suite “Balkan Dances” (*Balkanse igre*) (1937-1938) as third staff of the cycle.

“The symphonic compositions “Youth” (*Mladost*), “Yugoslav Suites” (*Jugoslovenska svita*) created for the orchestra, the unfinished two-staff composition “Zagorje”, the composition “Yugoslav Dances and Songs” (*Jugoslovenske pesme i igre*) created for the violin and orchestra, as well as ‘six folk songs’ created for the string orchestra (or quartet), “Balkanophonia”, created for the symphonic orchestra (1927), i.e. “Balkan Suite” for the string orchestra (1930), were followed by the creation of “Songs and Dances from the Balkans” (1927), composed using the orchestration of certain staves of the piano cycle with the exception of two staves” [3, p. 170]. The same author names these works “Balkan Cycle” (*Balkanski ciklus*). The comparison of the names of the staves in “Balkanophonia”, “Balkan Suite” and the cycle “Balkan Dances and Songs” leads to a comparative analysis, which want to answer a few questions:

- 1) Whether the melodic line, i.e. the thematics of the aforementioned staves is the same or similar,
- 2) Whether such a thematics, originating from the same melodic line, is characterised only by the altered orchestration or the harmonic basis,
- 3) Whether the same or similar thematic motivation has the same or similar solution,
- 4) Whether it is a completely new thematics which either originates or does not originate from the same region in Serbia,
- 5) If the thematics is different, whether it might have been found in some other compositions, either individual or being a stave in one cycle,
- 6) Whether it is possible that the Serbian song or dance has taken on the same or similar formal solution from that composition having a different title.

The cycle of 14 piano miniatures "Balkan Dances and Songs" was composed in 1927, the year when "Balkanophonia" was created, as well. Five of the dances from the cycle were further elaborated in the cycle "Balkanophonia": first stave known as "Folk Dance" and first stave of "Balkanophonia" named "Serbian Dance". Therefore, these compositions deserve to be examined in this paper. Other staves of "Balkan Dances and Songs", recognized thematically in "Balkanophonia" are: "Albanian Song" (Albanska pesma – sixth stave) in the second stave with the same title; "Dervish Dance" (Igra derviša – eleventh stave) in "Turkish Dance" (Turska igra – third stave); "Greek Song" (Grčka pesma – twelfth stave) in the fourth stave of the same title; and "Bulgarian Dance" (Bugarska igra – seventh stave) in the seventh stave of the same title.

The first stave of the piano miniatures "Balkan Dances and Songs" was composed as the two-part form with the developing b part. Its thematics is significant as regards this paper since it had an impact on the creation of "Serbian Dance", the first stave of the orchestra suite "Balkanophonia".

The atmosphere of "Serbian Song", eighth stave (i.e., first in the second collection) of the cycle "Balkan Dances and Songs" is different from the atmosphere created by the stave of the same title from the suite "Balkanophonia". The part a is expressed at the beginning of the stave as the four-takt structure, with frequent changes of the takt (3/4 and 2/4). The part b contains two six-takt sentences, which end the first part of the stave. The second part starts as a continuum composed by the polyphonic combination of both thematic materials. The whole stave is marked by the Oriental scale and tonal instability. The part might be determined as a two-part form.

Starting from, probably, the best known suite of J. Slavenski, named "Balkanophonia", seven-movement cycle¹ brings the „Serbian dance“ in the form of the first movement. Viewing the entire cycle, this movement is the longest one and formally, the best formed, likewise in the "Balkan Suite". The thematic material for its first part, originates from the "Folk Dance" which makes the first movement of the piano cycle "Balkan Dances and Songs"². "The Contrast expression, resting on the genre poles – dancing and liltng, comes to the front plane in the cycle dramaturgy. In parallel with that, there are developed such internal bonds, without which the unity of the artistic whole would face reconsideration. These mutual bonds are created, already in Serbian dance, the widest and most developed section of the suite, which, at the same time, represents its center support". In the initial 16 beats of Serbian dance (from "Balkanophonia") the cluster tends to last, as long as possible. Instead of having the background role,

¹ 1. Serbian dance, 2. Albanian song, 3. Turkish dance, 4. Greek song, 5. Romanian dance, 6. From Međumure, 7. Bulgarian dance

² First volume contains the sections, as follows: 1. Folk dance, 2. From Croatia, 3. Serbian country dance, 4. Slovenian popular song, 5. Macedonian dance, 6. Albanian song & 7. Bulgarian dance; second volume: 1. Serbian song, 2. Romanian dance, 3. from Rasina, 4. Dervish dance 5. Greek song, 6. Slavic dance and 7. Medjimurje song).

it takes the main role, so that it is only in the background that eight-beat whole (theme) may be read, which is constantly repeated. The whole of the stave is a three-part ABA1, where A is composed of the alternating repetition of the first and the second thematic material (a-a1-b-b1-a1-a1-b1-b1), followed by a transition consisting of a and b parts, and the new part, c, and finally a-b. From the initial C-Minor-Major in the transitional section towards the central part, it moves through As-major and As-minor. The central part (119–172) brings completely new thematic material and atmosphere, as well. The central part is based on the folk song “Down there to Constantinople City“ (*Tamo dole grada Carigrada*) [3, p. 175].

Very strong static, this part begins with, occurs because of the “sound interception on the new pedal formation e+F sharp, like simultaneous IV and V scale degrees ‘in h’ in which the last part of the movement is developed“. [3, p. 175]. The short descending motif in the augmented fourth range is repeated four times (119–140), to continue in the minor third range (140–167) and repetition of the entire central fragment. The motif reduction and denser figurations “in secondary parallelisms above the pedal fifth F sharp-flat and c–g.“ [3, p. 175].

Repeated 12-tone chord brings the first part of the section, but now, in the form of a short Coda (167–189) in H-major.

Sanja Grujić [2] describes the melodic basis of “Serbian Dance” in the following way: “a and b themes are in C-major, whereas their repetition (a1b1) is in H-major with the melodic mode harmonization. Mixolydian C mode (a1 a’1 i b1 b’1) with the harmonization (a’ b b’) by Mixolydian mode (c, d, e, f, g, a (as), b, c) – Slavenski terme this scale as ‘cosmic scale’ in his work ‘Astroacoustics’. The ‘Istra sequence’ variant (e instead of es) – the middle part theme – C (gis, a, h, c, d, e)“ [2, p. 72].

The three-part suite “From Serbia” (1925) is significant in the context of this paper owing to its third stave, named “Užičanka” (*Užičanka*), whose thematics is

present in the third stave (“Serbian Dance”) of the orchestra suite “Balkan Dances” (1938)³. “Užičanka” contains the eight-takt theme repeated several times, each time in a more complex way. The first two theme expressions (the eight-takt sentence) are in the Balkan G-minor, i.e. the dominant D-minor (due to the melodic finale on tone a), the third expression is on the subdominance, the fourth is along the major dominance, while the following theme expression is bitonal (d-minor and F-major). Starting from takt 65, the theme variation is repeated in g-minor with the same chord present in the first stave of the cycle (des-es-fis-as-c), resolved by T e-minor or VI stage of the Balkan g-minor. The formal analysis states the scheme: a1-a2-a3-a4-b-a5-a6-a7-a8, in which the sentence begins with the theme a consisting of eight takts (structure 2+2+4), and the theme “increases” to 28 takts due to its five repetitions.

The principle of the “variational repetition” is evident in this stave, as it is in the rest of them [5, p. 109]. “The repetition of a smaller or larger number of themes is done by means of various ‘colouring’ effects: instrumental changes and, even more significant, the change of those layers that define the theme (ostinato, accordion blocks, counterpoint melodic lines). Melodic and rhythmic changes of the themes themselves are either rare or nonexistent, whereas the change of the tonal centre, if any, is accomplished by a direct transfer or conflict of musical courses”. The third stave of “Balkan Dances”, named “Serbian Dance”, is recognized by two different parts (AB). The theme of the first part (A), consisting of eight beats, is repetitive (a, a1, a2, a3). This part was composed in the harmonic H-minor with a striking adherence to the dominates. Ostinato contains the quints which, assisted by the counterpoint lead of the voices, contribute to the creation of bitonality ended by the accordion in eight voices. The second part (B) is the continuation of the bitonal part,

³ The same thematic material appeared also in “String Quartet No. 4”.

with F-major resounding, i.e., the theme is in D-minor and the counterpoint in F-minor-major. This is followed by A-minor and the interplay of the string instruments section in C-minor, leading to the culmination in the eleventh tone (75-76). The dissonant ostinato chords represent the basis for the theme fragments in G-minor and E-minor. The pedal quintal tones and G-minor dominates, the basis for the final theme fragments, remain until the end finding its place in the last dissonant chord.

The analysis of all the staves having the same title ("Serbian Dance") shows that they are simple in form but that their continually richer repetition makes them very close to the structure of the folklore compositions. The repetitions are tonally enriched, they introduce modality, polytonality, novel accordion compositions, clusters, complexity accomplished by the variation of the thematic materials, polyphony or the combination of the thematic materials.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

References

1. Andreis, J. (1989), *Povijest glazbe, Povjest hrvatske glazbe [History of Music, History of Croatian Music]*, IV knjiga, Sveučelišna naklada liber, Zagreb, Croatia.
2. Grujić, S. (1984), *Orkestarska muzika Josipa Slavenskog [Orchestral music of Josip Slavenskog]*, Beograd, Udruženje kompozitora Srbije, Beograd, Serbia.

3. Sedak, E. (1984), *Josip Štolcer Slavenski, Skladatelj prijelaza [Josip Štolcer Slavenski, Composer of the Transition]*, knjiga Muzički Informativni Centar Koncertne direkcije Zagreb i Muzikološki Zavod Muzičke akademije Sveučilišta u Zagrebu, II, Zagreb, Croatia.

4. Veselinović-Hofman, M. ...(comp.) (2007), *Istorija srpske muzike, Srpska muzika i evropsko muzičko nasleđe [History of Serbian music, Serbian music and European musical heritage]*, Marinković, S, *Muzika u XIX veku i prvoj polovini XX veka [Music in the XIX century and the first half of the 20th century]*, Zavod za udžbenike, Beograd, Serbia.

5. Živković, M. (2014), *Interakcija muzike i vremena [The interaction of music and time]*, zbirka tekstova, Fakultet muzičke umetnosti, Univerzitet umetnosti u Beogradu, Beograd, Serbia.

ABOUT THE AUTORS:

Danijela Ilić, PhD, Assistant Professor, Department of Music, Faculty of Arts of Niš, University of Niš, 10 Kneginje Ljubice, Niš, 18000, Serbia; danijelailic1@yahoo.com

Nataša Nagorni Petrov, PhD, Associate Professor, Department of Music, Faculty of Arts of Niš, University of Niš, 10 Kneginje Ljubice, Niš, 18000, Serbia; danijelailic1@yahoo.com

ОБ АВТОРАХ:

Илич Даниела, доктор философии, доцент, Департамент музыкального искусства, Факультет искусств в Нише, Университет в Нише, Кнегинье Любице, д. 10, г. Ниш, 18000, Сербия; danijelailic1@yahoo.com

Петров Наташа Нагорни, профессор, заведующая кафедрой теоретических дисциплин, Департамент музыкального искусства, Факультет искусств в Нише, Университет в Нише, Кнегинье Любице, д. 10, г. Ниш, 18000, Сербия; danijelailic1@yahoo.com

MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 101.1:316

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-3-0-5

Масалов А. Г.

ДИСКУРС ОБЩЕСТВЕННОГО ЕДИНСТВА
В ЭПОХУ «ТЕКУЧЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ»

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; masalov@bsu.edu.ru

Аннотация. Миф единства, один из наиболее устойчивых и необходимых инструментов легитимации общественных отношений, сегодня подвергается беспрецедентным атакам со стороны того нового порядка взаимоотношений человека с реальностью, который З. Бауман назвал «текучей современностью». В качестве объяснительной модели функционального состояния современного общества предлагается модифицированный идеальный тип делезианского «тела без органов». Показана квазирелигиозная сущность тотализирующих дискурсов. Обосновывается безадресный характер централистских «месседжей».

Ключевые слова: общество; информация; технология; дискурс; З. Бауман; Ж. Делез; Ж. Бодрийяр; единство; масса; потребление

A. G. Masalov

THE DISCOURSE OF SOCIAL COHESION IN THE ERA
OF "LIQUID MODERNITY"

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; masalov@bsu.edu.ru

Abstract. The myth of unity, one of the most stable and necessary tools of legitimization of social relations, is now under unprecedented "attacks" by the new order of human relations with reality, which Z. Bauman called "liquid modernity". As an explanatory model of functional status of modern society was offered a modified "ideal type" of "body without organs" by Gilles Deleuze. The quasi-religious essence of the totalizing discourses is shown. The unaddressed nature of the centralist messages is substantiated.

Key words: society; information; technology; discourse; Z. Bauman; G. Deleuze; J. Baudrillard; unity; mass; consumption

Представления об обществе со времен
Платона и Конфуция до середины XX века¹

¹ Сюда можно отнести структурно-функциональный подход, марксистские и конфликтологические (диалектические) концепции; для французских структуралистов моделью социальной

укладываются в рамки представлений о структуре и порядке отношений. Боже-ственно предопределенная, естественная или экономически обусловленная, целостная структура представлялась необходи-

реальности являлся язык как структурированное и прозрачное образование.

мой: неизменная или подверженная эволюции, она была оправданной и неизбежной именно вследствие своей рациональности. Последние 50 лет мировой истории существенно поколебали эту уверенность. Рассматривая в 1979 году состояние знания в самых развитых современных обществах, Ж.Ф. Лиотар пришел к выводу, что социальное знание (упрощенно) распределяется «между двумя моделями: общество образует функциональное целое; общество разделено надвое. Первую модель можно проиллюстрировать именем Толкотта Парсонса <...>; вторую - марксистским течением (все входящие сюда школы, какими бы разными они ни были, разделяют принцип борьбы классов и трактуют диалектику как раздвоение единого, влияющее на социальную целостность)» [10].

По мнению мыслителя, социальное не следует мыслить как структурно-функциональное или диалектическое единство: оно имеет характер дискурсивной² гетерогенности. В современном обществе с его (пост)неклассической наукой «темы энтропии, разногласия, плюрализма, прагматизма, языковой игры вытеснили "великие рассказы" о диалектике и просвещении, антропологии, истине, свободе и справедливости, основанные на духовном единстве, консенсусе между говорящими» [10]. Эти выводы, изложенные Лиотаром в конце 1970-х годов, представляются актуальными и сегодня.

Современное общество, чтобы считаться таковым, должно, на наш взгляд, характеризоваться тремя признаками: повсеместным проникновением информационных технологий; массовостью (атомарностью на фоне включенности в общий культурный контекст); развитым потреблением развлечений и товаров, наделенных символической значимостью. По-видимому, как

российское, так и другие общества бывшего СССР (как минимум – его европейской части), в целом соответствуют данным критериям.

Общество как социологическую категорию здесь предлагается понимать как совокупность индивидов, групп, страт и отношений между ними, локализованную в рамках экономического, правового и информационного пространства.

Общность последнего предполагает набор принципов, определяющих правила кодирования информации, интерпретации и понимания. Иными словами, нужны некие мировоззренческие константы, которые в современном мире приходят в движение. Здесь и возникает проблема единства как особой дискурсивной практики.

Официальный общественно-политический дискурс постсоветских обществ буквально пронизан идеей единства. Данная установка отчетливо присутствует в высказываниях лидеров различных стран. Например, идея «провести год российской нации», озвученная В. Путиным [7], указ П. Порошенко «О приоритетных мерах по содействию укреплению национального единства и консолидации украинского общества» [11], «Беларуси нужно единство народа» - тезис А. Лукашенко [12]. «Дни народного единства» и их многочисленные аналоги имеются в ряде новых государств, прежде всего многонациональных³. Эти страны характеризуются двумя важными для нас признаками: «поисками себя» в стремительно меняющемся мире и прогрессирующим становлением общества потребления.

Сам по себе призыв укреплять и защищать что-либо есть верный признак уязвимости данного объекта, представляющий собой симптом озабоченности власти фактом индифферентности масс к ее настойчивым посланиям. Раскрытие миро-

² Понятие дискурса так же неоднозначно, как и популярно. Дискурс – речь, погруженная в социокультурную ситуацию, «присваиваемая говорящим» (Э. Бенвенист). Имеет подчеркнута процессуальный статус: это текст, не равный самому себе.

³ День соборности Украины (22 января), Праздник единства народа Казахстана (1 мая), День национального единства Грузии (9 апреля), День национального единства Таджикистана (27 июня).

воззренческих оснований (хотя бы некоторых) сложившегося положения вещей представляется нам актуальной задачей.

Основная задача по единению граждан возлагается на средства массовых коммуникаций, когда «более реальные, чем сама реальность, образы на вездесущих экранах задают стандарты действительности и ее оценки...» [3, с. 93]. Но в том то и дело, что технологии «производства реальности» сами по себе менее всего привязаны к национальной, религиозной или какой-либо другой объединяющей «почве». Вполне овладевший ими, вероятно, обнаружит весьма условную полезность содержательной (смысловой) стороны «локальной» идеологии с точки зрения эффективности в конкурентной среде. Даже основной поставщик твердых убеждений современности, наука, – и здесь можно согласиться с Полем Вирилио – сегодня занята «поиском непосредственной “эффективности”, а не “истины”» [4].

Согласно Э. Тоффлеру, следствием стремительного развития технологий является постоянное ускорение трансформаций культуры (прежде всего информационной). Рост объема постоянно обновляемой информации ведет к «ускользанию» целостных представлений, порождая «клиповое» восприятие реальности: «нас осаждают и ослепляют противоречивыми и не относящимися к нам фрагментами образного ряда, которые выбивают почву из-под ног наших старых идей, и обстреливают нас разорванными и лишенными смысла "клипами", мгновенными кадрами» [13]. То же самое касается всех видов идентичности, особенно в контексте роста включенности общества в среду Internet, поскольку «мы не можем измениться все наши средства коммуникации и ожидать, что как народ останемся неизменными. Революция в средствах массовой информации приведет к революции в психике...» [13]. Как отмечает З. Бауман, в ситуации намеренной культурной нестабильности «предметы являются сырым строительным материалом идентичности людей, которая по

определению нестабильна, человек должен постоянно быть внимательным; но прежде всего он должен охранять свою гибкость и скорость реадaptации для быстрого следования изменяющимся паттернам “внешнего” мира» [3, с. 94]. Следовательно, индивиды, научившиеся оперировать «клипами» информации, получают конкурентное преимущество перед теми, кто привык по старинке потреблять информационные послания в готовом виде.

В современном мире «действия людей заключаются в ежедневном изменении и пересмотре сети взаимосвязей, называемой обществом» [3, с. 38]. Этот процесс, который, который Бауман не вполне удачно назвал «индивидуализацией», «состоит в преобразовании человеческой «идентичности» из «дано» в «найди» и возложении на отдельных людей ответственности за выполнение этой задачи и за последствия (а также побочные эффекты) их действий» [3, с. 39]. Скорее уж речь здесь идет о «дивидууме» – многоликом человеке, в радикальной версии понимаемом как «место встречи массы противоречивых сил и стремлений, не имеющее центра» [1, с. 187].

Таким образом, в современных реалиях само понятие единой идентичности и его производных как минимум проблематизируется. В новой технологической реальности семантические центры прошлого (артикулируемые как традиционные ценности) размываются на фоне расширяющегося поля возможных (виртуальных) свойств, эффектов и отношений.

Традиционные представления об обществе преисполнены телесных подобий: мы естественным образом говорим об органах и ветвях власти, главах администраций, по инерции рассуждаем о рождении, расцвете и гибели культур, представляя некую живую органическую целостность. В ситуации «нового мирового беспорядка» (Кен Джовит)⁴ с характерной децентрали-

⁴ Сборник статей американского политолога под таким названием вышел в свет в 1992 году.

зацией и виртуализацией знаковой сферы этот интуитивный подход должен быть существенно дополнен.

Для фиксации феномена децентрированной семантической среды Ж. Делезом был предложен концепт «тела без органов», как противоположности организма. «Телу без органов» свойственно «не отсутствие всяких органов и не только наличие какого-то неопределенного органа, но в конечном счете временное и преходящее присутствие определенных органов» [9, с. 61]. В условиях господства транснациональных информационных сетей само социальное «тело» представляется пронизываемым и лишенным границ настолько, что можно словами Жижека говорить об «органах без тела»⁵ – взаимосвязанных, но не подчиненных «целому» индивидов, групп и организаций, функционирующих в качестве терминалов коммуникации. Эта хаотичная, самоорганизующаяся совокупность, функционирующая по принципу *ризомы*, представляется противоположностью тотализирующей тенденции как «механических», так и «органических» воззрений на социальное.

Отметим, что роль случайности и флуктуации рефлексирована современной наукой достаточно отчетливо. Хаосмос, как самоорганизующийся беспорядок, наделенный своеобразным креативным потенциалом, рассматривается как объяснительная модель мироздания многими современными мыслителями, в числе которых Ж. Делез, Ф. Гваттари, Н. Хомский и др. Современное синергетическое мировоззрение рефлексивно было обозначено И. Пригожиным как «философия нестабильности». Хаос в контексте ситуации постмодерна трактуется, как и в синергетике, в аспекте своей креативности: отсутствие данности организации понимается

как открытость различным потенциальным конфигурациям.

Настоящим вызовом для любых призывов к тому или иному осмысленному поведению считается феномен массы. Любое общество, став на путь модернизации, вынуждено ориентироваться на «западные» стандарты массового общества, именуемого также «обществом потребления». Согласно Бодрийяру, все, что может объединить или иным образом воздействовать на поведение масс, воспринимается ими как спецэффекты: «Массам преподносят смысл, а они жаждут зрелища. Убедить их в необходимости серьезного подхода к содержанию или хотя бы к коду сообщения не удалось никакими усилиями. Массам вручают послания, а они интересуются лишь знаковостью» [4]. Созданное рациональным духом капитализма, массовое потребительское общество обрекает *рациональные* практики науки, знания и политики «на существование в качестве *магических* практик и предназначенных для потребления зрелищ» [4].

Сущность же потребления, по Бодрийяру – «прославлять знаки на базе отрицания вещей и реальности» [5]. Масса абсорбирует любые влияния, она индифферентна к любой действительности, кроме действительности знака, но не означаемого.

Актуализация вопросов национального единства и гражданственности сосуществует с тенденцией индивидуализации частной сферы. Последняя, в свою очередь, становится все более публичной, благодаря соцсетям, и в то же время все более эмансипированной. Эффектность самовыражения, способная мобилизовать внимание, оказывается здесь более востребованной, чем любая определенная (то есть статичная) система ценностей.

Космос как царство порядка и уверенности заменен моделью «расширяющейся вселенной», бытие постоянно выходит за рамки способности осознания и предсказуемости. Бесспорным остается лишь факт отдаления, понимаемого как

⁵ Работа С. Жижека с одноименным названием «Organs without Bodies. On Deleuze and Consequences» была издана в Нью-Йорке и Лондоне в 2004 году.

расширение поля возможностей, ослабление связей, индивидуализация, деидентификация, словом – мобильность во всех мыслимых смыслах слова. «Двойственность, неопределенность, сомнительность... Эти слова передают ощущение тайны и загадки; они также оповещают о беде, имя которой — неуверенность; свидетельствуют об угнетенном состоянии ума, называемом нерешительностью или сомнениями. Когда мы говорим, что вещи или ситуация оказались двойственными, это значит, что у нас нет уверенности в том, чего следует ожидать, что мы не знаем ни как себя вести, ни какими окажутся последствия наших действий» [3, с. 66]. Ситуация неопределенности двойственна «по определению», единство же общества предполагает однозначность как минимум в основных подходах и ориентирах, разделяемых частными лицами. Мы же наблюдаем во многом обратную ситуацию: «Общественное», – отмечает Зигмунт Бауман, – не стремится больше колонизировать «частное». Теперь дело обстоит как раз наоборот: именно частное захватывает общественное пространство, выдавливая и выталкивая оттуда всё, что не может быть полностью и без остатка переведено на язык частных интересов и целей. Как заметил еще два века назад Токвиль, личность есть злейший враг гражданина (см.: [2, с. 134]). Следствием является запустение «общественного пространства, и особенно агога, того самого места, где пересекаются общественное и частное, где <...> частные вопросы переводятся на язык общественных задач...» [2, с. 34]. По оценке З. Баумана, «степень отсутствия мобильности является в наши дни главным мерилем социального беспорядка и несвободы...» [2, с. 49]. Здесь можно бы добавить «сетевой мобильности», поскольку скорость реакции, готовность пересмотреть привычные стереотипы, способность наладить новые связи – ключевое требование, налагаемое на индивида естественным отбором в сетевой реальности (что по сути тождественно «в современном мире»).

«С другой стороны, скорость передвижения, возможности эффективно действовать независимо от расстояния, а также свобода “перемены мест”, предоставленная либо отсутствием локализованных обязательств, либо легкостью их преодоления, являются сегодня главными факторами стратификации как на глобальном, так и на местном уровнях» [2, с. 49].

Если ранее пространство было значимым, то «сегодня его значение утрачивается; Поль Вирилио, объявляя о “конце географии”, предположил, что оно сведено на нет: смысл пространства как препятствия или даже предела коммуникации ныне изжил себя» [2, с. 47].

Таким образом, можно констатировать «фатальную стратегию» [6, с. 7] роста дистанции между теми, кто вполне вписался в мобилистскую парадигму и «аборигенами», обреченными на прозябание.

В сложившейся ситуации дискурс единства представляется все менее аналитическим и все более идеологическим. Он все более отсылает нас к сфере *воображаемого*, маскируя реальное.

Как *метафизический принцип*, единство представляется (воображается) силой, обеспечивающей порядок повседневности, но не наблюдаемой в ней. Практика многократного повторения формул, выражающих интеграторские усилия системы, поражающие воображения спецэффекты, пантеоны «богов», «героев» и «демонов» – всё указывает на квазирелигиозную атмосферу.

Дискурс единства не является чисто фиктивным: оппозиция «реальное-воображаемое», а в когнитивной перспективе – «истинное-ложное», снимается в оптике *виртуальности*⁶. Единство массового общества, в контексте используемого подхода, суть виртуальное, ставшее,

⁶ Виртуальное здесь — многозначный термин: то, что не существует в действительности, но появляется как образ, благодаря компьютеру, а также «возможное», «потенциальное», «условное», «мнимое».

благодаря вездесущим технологиям, ближе самой реальности, «гиперреальным». Повседневность не производит иного единства, кроме экстатического иррационального единства потребительского конформизма.

Таким образом, состояние современного общества характеризуется следующими существенными признаками: постоянным ростом технологий и объема потребляемой информации; как следствие – «клиповым» (фрагментарным) мышлением; равнодушием к «поиску смыслов» (на это попросту не остается времени); ростом потребления (в том числе символического), культивируемым на основе передовой техники, то есть «культом» потребления; массовостью (прежде всего – инертностью и атомарностью), неразрывно связанной со всем выше сказанным; ситуативным и временным структурообразованием.

В свете приведенных выше рассуждений, дискурс общественного единства в современном мире представляется обращенным к воображаемому субъекту – обществу, наделенному целостной рациональностью.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

Литература

1. Бард, А. Нетократия: новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2004. 252 с.
2. Бауман, З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
3. Бауман, З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
4. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. [Электронный ресурс] URL: [http://anthropology.ru/ru/edition/v-teni-](http://anthropology.ru/ru/edition/v-teni-molchalivogo-bolshinstva-ili-konec-socialnogo)

[molchalivogo-bolshinstva-ili-konec-socialnogo](http://anthropology.ru/ru/edition/v-teni-molchalivogo-bolshinstva-ili-konec-socialnogo) (дата обращения: 02.07.2018).

5. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. М.: Культурная революция, Республика, 2006. [Электронный ресурс] URL: http://bookscafe.net/book/bodriyyar_zhan-obschestvo_potrebleniya-151022.html (дата обращения: 02.07.2018).

6. Бодрийяр, Ж. Фатальные стратегии / Пер. с фр. А. Качалова; науч. ред. текста к.ф.н. Д. Дамте. М.: РИПОЛ классик, 2017. 288 с.

7. Болгова, Е. Путин поддержал идею проведения Года единства российской нации // Комсомольская правда. 2016. 31 окт. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kp.ru/online/news/2556494/> (дата обращения 02.07.2018).

8. Вирилио, П. Информационная бомба. Стратегия обмана / Перевод И. Окуновой. М., 2002. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/virilio.txt> (дата обращения: 02.07.2018).

9. Делёз, Ж. Фрэнсис Бэкон: Логика ощущения, СПб.: Machina, 2011. 176 с.

10. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна. [Электронный ресурс] URL: https://royallib.com/book/liotar_ganfransua/sostoyanie_postmoderna.html (дата обращения: 02.07.2018).

11. Лукашенко: Если мы забудем белорусский язык – мы перестанем быть нацией // Наша нiва. 2014. 22 апр. [Электронный ресурс] URL: <http://nn.by/?c=ar&i=127154&lang=ru> (дата обращения: 02.07.2018).

12. Рудь, Я. Щось у лісі здохло: Порошенко озаботился национальным единством // ИА REGNUM. 2016. 3 декабря. [Электронный ресурс] URL: <https://regnum.ru/news/polit/2213142.html> (дата обращения: 02.07.2018).

13. Тоффлер, Э. Третья волна. М.: ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999. [Электронный ресурс] URL: http://socioworld.nm.ru/misc/toffler_3w.rar (дата обращения: 02.07.2018).

References

1. Bard, A. (2004), *Netokratya: novaya praviashchaya elita I zhizn' posle kapitalizma* [Netocracy: the new power elite and life after cap-

italism], Translated by Mishuchkov, V., Stockholm school of economics, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

2. Bauman, Z. (2005), *Individualizirovannoe obshchestvo* [The individualized society], Translated by Inozemcev, V.L., Logos, Moscow, Russia (in Russ.).

3. Bauman, Z. (2008), *Tekucaya sovremennost'* [Liquid modernity], Translated by Asochakov, Yu.V., Piter, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

4. Baudrillard, J. (2000), *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili konec social'nogo* [In the shadow of the silent majorities, or, the end of the social], Translated by Suslov, N.V., Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Ekaterinburg, Russia [Online], available at: <http://anthropology.ru/ru/edition/v-teni-molchalivogo-bolshinstva-ili-konec-socialnogo> (date of access: 02.07.2018) (in Russ.).

5. Baudrillard, J. (2006), *Obschestvo potrebleniya: ego mify i struktury* [The consumer society: myths and structures], Translated by Samarskaya, E.A., Respublika, Moscow, Russia [Online], available at: http://bookscafe.net/book/bodriyyar_zhan-obschestvo_potrebleniya-151022.html (date of access: 02.07.2018) (in Russ.).

6. Baudrillard, J. (2017), *Fatal'nye strategii* [Fatal strategies], Translated by Kachalov, A., RIPOD classic, Moscow, Russia (in Russ.).w

7. Bolgova, E. (2016), "Putin supported the idea of The year of unity of the Russian nation" *Komsomol'skaya pravda*, October, 31 [Online], available at: <http://www.kp.ru/online/news/2556494/> (date of access: 02.07.2018) (in Russ.).

8. Virilio, P. (2002), *Informacionnaya bomba* [The Information Bomb] Translated by Okuneva, I., [Online], available at: <http://lib.ru/POLITOLOG/virilio.txt> (date of access: 02.07.2018) (in Russ.).

9. Deleuze, G. (2011), *Frensis Bakon: logika oschuscheniya* [Francis Bacon: Logic of

sensation], Machina, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

10. Lyotard, J-F. (1998), *Sostoyanie postmoderna* [The Postmodern Condition], Alteya, Moscow, Russia [Online], available at: http://royallib.com/book/liotar_ganfransua/sostoyanie_postmoderna.html (date of access: 02.07.2018) (in Russ.).

11. Lukashenko: "If we forget the Belarusian language — we will cease to be a nation" (2014), *Nasha Niva*, April [Online], available at: <http://nn.by/?c=ar&i=127154&lang=ru> (date of access: 02.07.2018) (in Russ.).

12. Rud', Ya (2016), "Schos' u lisi zdohlo: Poroshenko attended the national unity", *IA REGNUM*, Desember, 3 [Online], available at: <https://regnum.ru/news/polit/2213142.html> (date of access: 02.07.2018) (in Russ.).

13. Toffler, A. (1999), *Tret'ya volna* [The Third Wave], "Firma "Izdatel'stvo AST", Moscow, Russia [Online], available at: http://socioworld.nm.ru/misc/toffler_3w.rar (date of access: 02.07.2018) (in Russ.).

ОБ АВТОРЕ:

Масалов Алексей Геннадиевич, кандидат философских наук, заведующий отделом редких книг Научной библиотеки им. Н.Н. Страхова, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; masalov@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Alexei G. Masalov, PhD in Philosophical Sciences, Head of the Department of Rare Books of the Scientific Library named after Nikolai Strakhov, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; masalov@bsu.edu.ru

УДК 1(091)+130:2

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-3-0-6

Газнюк Л. М.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИКИ НЕОМАРКСИЗМА
И ПОСТМОДЕРНА

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия, lgazn@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются различные варианты реализации диалектики как опосредования, трансформации, поиска будущего. Методологически статья построена на основе гегелевского принципа диалектического опосредования и на репрезентации представленных в «Логике», «Энциклопедии философских наук» и «Феноменологии духа» идей. Исследование представляет критический обзор понимания диалектики и ее потенциальных возможностей представителями неомарксизма и постмодернизма. В качестве вывода исследования предлагается прочитывать «Логик» как мышление, порождающее определенные ошибки и иллюзии, что позволяет учесть критику, направленную против принципа тотализации через понятие «снятия» и реактуализировать такие принципы диалектики как вскрытие противоречивости явления или значения.

Ключевые слова: неомарксизм; постмодернизм; логика; диалектика; диалектическое опосредование; деконструкция; аналитические языки; овеществленное мышление

L. M. Gazniuk

THE SPECIFIC DIALECTIC OF NEO-MARXISM
AND POSTMODERNISM

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia, lgazn@mail.ru

Abstract. The article analyzes various variants of realization of dialectics as mediation, transformation, and search for the future. Methodologically, the article is based on the Hegelian principle of dialectical mediation and the representation of ideas presented in «The Science of Logic», «Encyclopedia of the Philosophical Sciences», and «The Phenomenology of Spirit». The result of the research is a critical review of the understanding of dialectics and its potential by representatives of neo-Marxism and postmodernism. As a result of the research, it is suggested to read «Logic» as thinking, which generates certain mistakes and illusions. It allows to take into account the criticism directed against the principle of totalization through the concept of "withdrawal" and to reactivate such principles of dialectics as revealing the contradiction of a phenomenon or meaning.

Keywords: neo-Marxism; postmodernism; logic; dialectics; dialectical mediation; deconstruction; analytical languages; reified thinking

В неомарксизме и постмодернизме предлагается обширный спектр вариантов реализации диалектики: помимо традиционной историко-материалистической диалектики в широком смысле слова, можно использовать такие специфические (в узком смысле) диалектики, как: «диалектика опосредования» (перекодирование различных языков интерпретации; анализ сферы медиа – как форм и способов опосредования между социальным и индивидуальным, как «диалектики между индивидуальными желаниями и фантазиями, и коллективной природой языка и восприятия» [5; 6, с. 77]), «пространственная диалектика» (один из вызовов современных трансформаций культуры, в которой пространство стало одним из доминантных признаков; способ организации пространства *диалектично*, но не диалектичного пространства в духе Энгельса), «диалектика будущего» (анализ утопии, утопических импульсов и желаний для поиска возможного революционного прорыва тех или иных социальных проблем).

Если рассматривать диалектику как диалектическую процедуру (в узком смысле – как гегелевский второй аспект Логического), то диалектика здесь понимается как «диалектическое» с неопределённым артиклем «а» – «a dialectical», которое можно понимать в качестве диалектической процедуры сохранения «постоянного напряжения» – 1) между понятиями, 2) между понятиями / языком и феноменами / явлениями – когда «любая оппозиция может стать отправной точкой для диалектики как таковой» [8, с.19]. Поэтому структурализм и открытие бинарной оппозиции, а затем более длительный период ее деконструкции очень важны в этом контексте, поскольку диалектика выступает в качестве «истины этой связи» и является «разоблачением [статической] антиномии как [динамического] противоречия, которое представляет действительное диалектическое мышление как таковое» [8, с. 43]. Это, в свою очередь, позволяет нам находить диалектические моменты в работе не-

или даже анти-диалектических мыслителей; т.е. диалектика может быть обнаружена у С.Т. Кольриджа, в «Энеиде», в мысли М. Фуко или Ж. Делёза, и конечно во множестве примеров тех, кто «использует диалектику, не зная этого» [8, с. 67], и такие примеры можно умножать почти до бесконечности (например, С. Жижек анализирует Ж. Делёза), эта игра превращается фактически в спорт.

Еще одно значение диалектики – «это диалектика!» («It's dialectical!»), имя для обозначения эффекта диалектики, или внезапного расширения понятийного/концептуального поля, которое сопровождается превращением какого-то дискретного феномена в момент внутри более сильного, более широкого силового поля. Понимание диалектики как единства-и-различия её аспектов значительно проясняет специфику и фундаментальную значимость диалектики для познания сложных процессов трансформации социальной тотальности, в данном случае социально-экономической системы, внутренняя логика которой состоит в динамическом структурном «сужении» и «расширении», самореволюционизации собственных оснований.

С. Жижек называет Канта и Гегеля философами параллакса и доказывает, что логика параллакса отсылает к логике кантовских антиномий, когда следует отказаться от любых попыток сведения одного взаимоисключающего утверждения к другому или к диалектическому синтезу противоположностей [3, с. 26]. Классическим примером параллакса является кантовское решение ключевой эпистемологической антиномии эпохи, а именно, антиномии эмпиризма и рационализма, которое состоит не в выборе одной из частей антиномии и не в выборе возможного высшего синтеза, а в избегании необходимости формулировать «позитивное» решение, что и составило, по мнению Жижека, суть кантовского «трансцендентального поворота». В этой ситуации диалектический метод Гегеля, по мнению Жижека, необхо-

димо понимать не как представление об утрате изначального единства и итогового возврата к нему на более высоком уровне, но совершенно иначе – как преимущества внутреннего антагонизма, как признание имманентности параллакса в бытии. Как отмечает Ф. Джеймисон, давно устоявшийся стереотип гласит, что Гегель создавал свои построения при помощи шаблонного перехода от тезиса через антитезис к синтезу. Жижек объясняет, что это абсолютно ошибочное представление, поскольку у Гегеля нет реального синтеза. По мнению Жижека, Гегель не онтологизирует Канта, а, напротив, сам Кант, считающий разрыв просто эпистемологическим, продолжает допускать существование полностью конституированной ноуменальной области, в то время как именно Гегель деонтологизирует Канта, вводя разрыв в структуру самой реальности [3].

В результате можно сказать, что несводимая негативность в поствильфовской философии на уровне логики, понятой и как язык (дерридианский «путя слова» / «письмо», делёзовский «концепт» и т.п.), обеспечивается логикой кантовской трансцендентальной философии, функционирующей как апоретический язык антиномий, и логикой гегелевской диалектики, функционирующей как язык «двойного утверждения» (например, тезиса и антитезиса одновременно). Жижек в этом контексте продолжает уточнять, что так называемое «гегелевское «примирение» противоположностей не есть некий «панлогизм», снятие всей действительности в Понятии, но окончательное принятие того факта, что Понятие – это «не Всё»» [2].

Следует заметить, что опыт реактуализации диалектики будет неполным без специального обращения к гегелевским принципам диалектического опосредования и репрезентации – прежде всего в «Логике» и «Энциклопедии философских наук», а также в «Феноменологии духа». Обращение к этим работам Гегеля обусловлено необходимостью дать решительный ответ на историческую критику гегелевской (и марксистской) диалектики.

Можно выделить три момента этой критики.

Первый момент связан с опытом поражений рабочих движений начала XX века в масштабе всего мира, а также с историческим опытом тоталитарных политических систем, превращением марксизма в государственную идеологию, когда многие мыслители того – и последующего – времени отождествляли марксову диалектику и «диамат» и видели в сталинской практике политическую и практическую реализацию гегелевского Абсолютного Духа. Учитывая этот опыт, следует понимать гегелевскую идею Абсолютного Духа не как темпоральную Идею и не как историческую сцену [8, с. 76], а скорее как «стратегию сдерживания» ("containment strategy") [8, с. 100-101], благодаря которой происходит формальное завершение системы, которая стремится смоделировать исторически неполную или незавершенную (точнее – принципиально незавершенную) тотальность, значительно превосходящую возможности восприятия индивидуального сознания. Таким образом, в настоящее время гегелевско-марксистская диалектика, как и марксизм в целом, как никогда требуют своего обновления.

Второй момент связан с трансформациями понимания диалектики в теоретических дебатах постмодернистской социально-гуманитарной мысли. В первую очередь это касается теоретического наследия – М. Бланшо, Ж. Делёза, Ж. Деррида, М. Фуко, которым диалектика представлялась абстрактной и далёкой от реальности, слишком грубой в своем «механистическом» движении диалектических серий, телеологичной и репрессивной. Здесь по-видимому, важную роль сыграл подход А. Кожева, для которого «гегелевский метод никоим образом не является "диалектическим". Кожев понимает его как чисто созерцательный и дескриптивный, или *феноменологический* в гуссерлевском смысле» [4]; иными словами, диалектика

Гегеля у него становится антропологической или феноменологической диалектикой. Таким образом, А. Кожев поспособствовал возникновению целой плеяды французских мыслителей, которые воспринимали диалектику Гегеля через феноменологическое её прочтение, привнося свои собственные коннотации и вольные интерпретации (например, Ж. Делёз признавался, что «в первую очередь [он] ненавидел гегельянство и диалектику» и никогда серьезно не читал К. Маркса [1, с. 285-286]) и, соответственно, в конечном итоге А. Кожев парадоксальным образом подготовил почву для последующего «восстания» против гегелевской диалектики и гегелевской философии в целом, и рождению французского ницшеанства (кантианства, спинозианства, и в целом антигегельянства).

Третий момент связан с неоднозначным пониманием диалектики в среде самой марксистской традиции. Нередко звучат заявления о необходимости «переизобретения», обновления диалектики, или даже об отказе от последней. Так, учитывая критику Л. Альтюссером гегелевской диалектики относительно того, что марксизм должен пониматься в русле гегелевской диалектики, а понятие противоречия при этом лишены своей телеологичности – в смысле предвосхищения будущего «снятия» в восходящем движении диалектических серий, Ф. Джеймисон предлагает понимать марксизм как своего рода (горизонтально-) медиативный аппарат по перекодированию различных аналитических языков и дискурсов. Однако в целом отказ от гегелевской диалектики, сдвиг в сторону «спинозистского марксизма», а также слабость к идее эпистемологических разрывов так и не позволили Л. Альтюссеру «объяснить специфику исторических переходов» (его «способы производства» оказываются как бы вложенными или предзаданными в истории [7, с. 43-81]).

Современные представители автономизма, анархо-коммунизма и альтерглобализма исследователи политической фи-

лософии М. Хардт А. Негри и в работе «Империя», наследующие линию Ж. Делёза заявляют о не-революционности диалектики, которая является лишь продуктом капиталистического развития и «буржуазного опосредования». В противоположность спинозистам с их имманентистской методологией С. Жижек призывает возродить гегелевскую диалектику, которую он предлагает прочитывать через Ж. Лакана [2, с. 7].

В первом приближении необходимо вернуться к концепции диалектики как провоцирующей деятельности, связанной с внезапным наступлением на *Verstand*, здравый смысл, овещнённое мышление. Хотя *Verstand*, разумеется, не является какой-то статической сущностью, но, наоборот, он не имеет постоянства и участвует в диалектическом движении на всех его этапах. В этом смысле диалектика не атакует феномены/явления от имени внеположенной сущности и не является внешней и «нейтральной» формой, налагаемой на мир вещей; наоборот, центральная заявка гегелевской диалектики состояла в имманентности сущности, в «реальности явления», в утверждении, что «сущность должна проявиться» («the essence must appear»).

Ключевым моментом и новаторством в современном неомарксистском понимании гегелевской диалектики является то, что предлагается интерпретировать диалектику как мышление, порождающее определённые ошибки и иллюзии. Это позволяет, с одной стороны, учесть современную критику, направленную против телеологизации диалектики и принципа тотализации через понятие «снятия», и с другой – реактуализировать основополагающие принципы диалектики, такие как вскрытие неизбежной противоречивости явления или значения.

Вместе с тем, как бы это ни парадоксально звучало, гегелевский анализ *Verstand* как овещнённого мышления

представляет собой наиболее фундаментальный вклад немецкого классика в, собственно, марксистскую теорию реификации [2, с. 98]; иными словами, инновация здесь состоит в идентификации *Verstand* с реификацией и, таким образом, в постановке вопроса о «марксовом гегельянстве» с ног на голову: Логика, в некотором смысле даже более чем диалектика Раба и Господина, оборачивается *таким* образом, чтобы дать нам ключ к «гегелевскому марксизму» [2, с. 98].

Три аспекта диалектики представляют собой специфическое единство метода, системы и субъективных инсайтов, основанных на «эффектах» диалектического преобразования. Если рассматривать диалектику как теоретическую, философскую или идеологическую систему, то в таком контексте речь идёт о двух языках, двух способах репрезентации настоящего, или социальной действительности, которыми обладает диалектика – «объективного» при анализе социально-экономических преобразований и рынка и «субъективного» при анализе феноменов культуры.

В неомарксизме диалектика представляется как «новый тип мышления, специально придуманный для того, чтобы преодолевать дилеммы репрезентации, порождаемые этой уникальной и специфической тотальностью, называемой капиталом» [3]. В таком понимании диалектика действительно становится особым методом анализа, причем «лучшим из возможных», актуальность которого будет сохраняться до тех пор, пока и сам предмет исследования марксизма – общество политической экономики – не будет преодолен или «снят» в процессе исторических трансформаций.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

Литература

1. Дьяков, А.В. Жиль Делёз. Философия различия. СПб.: Алетейя, 2015. 270 с.
2. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / пер. с англ. В. Софронова. М.: Художественный журнал, 1999. 234 с.
3. Жижек, С. Устройство разрыва. Параллаксное видение / пер. с англ. А. Смирнов, Г. Рогонян, С. Кастальский, А. Олейников. М.: «Европа», 2008. 516 с.
4. Кожев, А. Введение в чтение Гегеля. Идея смерти в философии Гегеля // Диалектика реального и феноменологический метод у Гегеля. URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/kojev_vvedeni_e/ (дата обращения: 08.02.2018).
5. Константюк, В.А. YouTube: желание в медиа и серийность // Международный журнал исследований культуры, 2012. № 3(8). URL: http://culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2012/IJCR_03%28%29_2012_Konstantiuk.pdf (дата обращения: 08.02.2018).
6. Jameson, F. Imaginary and Symbolic in Lacan // Jameson F. The Ideologies of the Essays 1971-1986: The Syntax of history. Volume 1. Minnesota UP, 1988. Pp. 75-115.
7. Jameson, F. Singular modernity. L.; N.-Y.: Verso Books, 2002. 250 p.
8. Jameson, F. Valences of the Dialectic. L.; N.-Y.: Verso Books, 2009. 625 p.

References

1. D'yakov, A.V. (2015), *Zhil' Delyoz. Filosofiya razlichiya* [Gilles Deleuze. Philosophy of difference], Aleteya, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).
2. Zhizhek, S. (1999), *Vozvyshenny obiect ideologii* [The Sublime Object of Ideology], Translated by V. Sofronova, Khudozhestvenny zhurnal, Moscow, Russia (in Russ.).
3. Zhizhek, S. (2008), *Ustroistvo razryva. Parallaksnoe videnie* [The Parallax View], Translated by A. Smirnov, G. Rogonayn, S. Kastel'skiy, A. Oleynikov, Europe, Moscow, Russia (in Russ.).
4. Kozhev, A. "Vvedenie v chtenie Gegelya. Ideya smerti v filosofii Gegelya", *Dialectika real'nogo i fenomenologicheskii metod u Gegelya* [Introduction to the Reading of Hegel. The Idea of

Death in Hegel, The Dialectic of the Real and the Phenomenological Method in Hegel], available at: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/kojev_vvedeni e/ (Accessed 8 February 2018) (in Russ.).

5. Konstantyuk, V.A. (2012), “YouTube: Desire in Media and Seriality”, *International Journal of Cultural Research*, 3(8), available at: http://culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2012/IJCR_03%288%29_2012_Konstantiuk.pdf (Accessed 8 February 2018) (in Russ.).

6. Jameson, F. (1988), Imaginary and Symbolic in Lacan in *The Ideologies of the Essays 1971-1986: The Syntax of history*. Vol. 1, Minnesota UP, 75-115.

7. Jameson, F. (2002), Singular modernity, Verso Books, L.; N.-Y.

8. Jameson, F. (2009), Valences of the Dialectic, Verso Books, L.; N.-Y.

ОБ АВТОРЕ:

Газнюк Лидия Михайловна, доктор философских наук, профессор, кафедра философии и теологии, социально-теологический факультет, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, профессор, ул. Победы, д. 85, Белгород, 308015, Россия; lgazn@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Lidiya M. Gazniuk, Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; lgazn@mail.ru

УДК 81

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-3-0-7

Осенков Е. В.

**ЦЕНТР МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
«РУССКО-СЕРБСКИЙ ДИАЛОГ» КАК
КОММУНИКАЦИОННАЯ ПЛОЩАДКА ЧЕРНОЗЕМЬЯ
ДЛЯ РАЗВИТИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОГО
И СЕРБСКОГО НАРОДОВ**

Центр международного сотрудничества «Русско-Сербский Диалог», Московский проспект, д. 13/2, г. Воронеж, 394026, Россия; osenkov_ew@mail.ru

Аннотация. В сообщении рассказывается о деятельности Центра международного сотрудничества «Русско-Сербский диалог» (dialogrs.ru), созданного в 2016 году в целях развития коммуникационной площадки для мероприятий, направленных на сближение и активное взаимодействие российского и сербского народов в различных направлениях: поддержки интереса к истории, культуре и традициям, патриотического воспитания молодежи, взаимодействия по вопросам совместных образовательных и волонтерских проектов, а также организации обмена туристическими потоками.

Ключевые слова: Сербия; Сербско-Российский диалог; межкультурная коммуникация; организация межкультурного диалога.

E. V. Osenkov

**THE CENTER FOR INTERNATIONAL RUSSIAN-SERBIAN
DIALOGUE COOPERATION AS A COMMUNICATION
PLATFORM OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION
FOR THE DEVELOPMENT OF RELATIONS BETWEEN
THE RUSSIAN AND SERBIAN PEOPLES**

Russian-Serbian Dialogue International Cooperation Center, 13/2 Moskovsky Pr., Voronezh, 394026, Russia; osenkov_ew@mail.ru

Abstract. The report describes the activities of The Russian-Serbian Dialogue Center for International Cooperation (dialogrs.ru), created in 2016 to develop a communication platform for events aimed at bringing together Russian and Serbian peoples in various areas: supporting interest in history, culture and traditions, patriotic education of young people, interaction on joint educational and volunteer projects, as well as organizing the exchange of tourist flows.

Keywords: Serbia; Serbian-Russian dialogue; intercultural communication; organization of intercultural dialogue.

Организация «Русско-Сербский диалог» создана в 2016 году в целях содействия развитию гуманитарного сотрудничества между Россией и Республикой Сербией и Республикой Сербской (Босния и Герцеговина).

Деятельность Центра, согласно его Уставу, осуществляется по следующим направлениям¹:

¹ Устав Центра международного сотрудничества «Русско-Сербский Диалог». Редакция от 20.04.2017. Воронеж, 2017. 15 с.

- развитие и поддержка интереса к истории, культуре, традициям, истории, культуре народов Российской Федерации и Республикой Сербией, Республики Сербской (Босния и Герцеговина);

- установление прямых коммуникаций между народами Российской Федерации и Республики Сербии, Республики Сербской (Босния и Герцеговина) для активного взаимодействия по вопросам гуманитарного и делового сотрудничества;

- осуществление деятельности по подготовке и изданию научно-популярных материалов о взаимоотношениях русского и сербского народов, а также осуществление учебно-методической, информационной, просветительской деятельности в этой области;

- благотворительная деятельность, а также деятельность в области содействия благотворительности и добровольчества в связи с целями и предметом деятельности Организации;

- деятельность в области просвещения, науки, культуры, искусства в области взаимосвязей между народами Российской Федерации и народами Республики Сербии и Республики Сербской (Босния и Герцеговина);

- развитие межнационального сотрудничества, сохранение и защита самобытности, сербской культуры и сербского языка на территории Российской Федерации;

- организация и проведение конференций, семинаров, лагерей, симпозиумов, мероприятий по обмену опытом и информацией, культурных программ, выставок, лотерей, благотворительных акций и иных мероприятий в связи с целями и задачами Организации и налаживанием связей между российским и сербским народами, как самостоятельно, так и с привлечением отечественных и иностранных специалистов и организаций;

- содействие развитию туризма и краеведения, направленного на изучение связей народов Российской Федерации

и народами стран Сербии и Республики Сербской (Босния и Герцеговина);

- подготовка, издание и распространение печатной, радио-, аудио, видео-, цифровой и электронной продукции художественного, научного и просветительского характера в связи с целями и задачами Организации, а также другие виды деятельности, не противоречащие Законодательству РФ.

Сообщество людей, решающие задачи и вопросы по коммуникации наших народов, созданное в Воронеже, до мая 2017 года, носило наименование – Межрегиональный Клуб «Русско-Сербский Диалог». В связи с решением зарегистрировать организацию как автономную некоммерческую структуру, было принято решение перейти юридически к наименованию Центр международного сотрудничества «Русско-Сербский Диалог». Именно такое название и получило юридическое лицо, образованное 7 июня 2018 года, зарегистрированное Министерством юстиции Воронежской области, как Автономная некоммерческая организация.

В настоящее время работа Центра осуществляется по нескольким направлениям:

- *Культурно-образовательное направление*: изучение традиций, истории; обсуждение важных политических, экономических событий. Встречи, форумы, круглые столы, фестивали, выставки, кинопросмотры, концерты при поддержке организаций русско-сербской дружбы.

- *Гастрономическое направление*: изучение традиционной сербской кухни в формате мастер-классов и гастрономических праздников с участием коренных жителей Сербии. Издание книг с различными рецептами сербской кухни. Организация гастрономических туров в Сербию.

- *Гастрономическое направление*: изучение традиционной сербской кухни в формате мастер-классов и гастрономических праздников с участием коренных жителей Сербии. Издание книг с различными

рецептами сербской кухни. Организация гастрономических туров в Сербию.

– *Информационно-издательское направление*: взаимодействие со СМИ России и Сербии, выпуск собственного печатного издания – «Диалог» (первый номер вышел 25 мая) для размещения информации о работе Центра, актуальных тематических событий, полезной информации по всем направлениям работы. Издание книг, брошюр о взаимоотношениях стран, о традициях, истории, туризме.

– *Бизнес-направление*: организация встреч сербских и российских предпринимателей по вопросам ведения коммерческой деятельности на территории Сербии и России; оказание помощи в переводе, встрече делегаций, поиску нужных контактов и пр.

– *Туристическое направление*: организация обмена туристами, проведение агротуров для жителей Сербии, продвижение интересных сербских туристических маршрутов среди российских туристов. В рамках данного направления на мероприятии открытия «Русско-Сербского Диалога» в Воронеже 25 мая предложено два тура: тур для россиян в Сербию (на событие – фестиваль «Сильные духом») для сербов в Россию (тур разработан компанией «Черноземье-Тур» и представлен руководитель И. Пешковой).

– *Вакансии, стажировки, волонтерство*: поиск и размещение актуальной информации о работе, волонтерстве и стажировках на территории Сербии и России. Взаимодействие с вузами Сербии и России (Воронежа).

– *Лингвистическое направление*: оказание услуг по письменному, устному, синхронному переводу, в том числе и при трудоустройстве, при организации бизнеса или в туристических поездках. Сопровождение иностранных делегаций из Сербии.

Несмотря на то, что Центр международного сотрудничества появился сравнительно недавно, к настоящему моменту уже реализован ряд проектов в качестве текущей деятельности:

– Центр выступил партнером Фонда Хованского в подготовке к юбилейным мероприятиям к 150-летию со дня основания «Славянского Вестника» – научного филологического сборника, издававшегося в Воронеже в конце XIX века. Клуб помог руководителю Фонда Андрею Лазареву в переводе уникального сборника афоризмов Аркадия Давидовича, который теперь переведен на языки стран бывшей Югославии;

– Центр выступил организатором просмотра фильма «Споменко на вечном посту» сербского режиссера Миле Савича. Мероприятие, состоявшееся в Ресурсном центре НКО в г. Воронеже, стало первым официальным мероприятием Клуба. После просмотра фильма Миле Савича, активист клуба В. Стэйце, под впечатлением от просмотра, предложил руководителю Центра, назвать одну из улиц в Воронежской области именем Споменко Гостича. Было составлено письмо, и активист Клуба принял участие в ряде заседаний. По словам активиста клуба, после систематических посещений Совета народных депутатов, встречи с главами администраций и жителями, цель была достигнута – в план улиц Бабяковского сельского поселения внесено предложение о наименовании одной из улиц именем Споменко Гостича в память о герое и в знак дружбы и коммуникации с сербским народом.

– Проект – Клуб «Русско-Сербский Диалог» – стал участником конкурса социальных проектов «Добронежец-2017», и вышел в финал в номинации «Согласии», представив масштабный проект и план развития Клуба. На презентационном мероприятии руководитель рассказал членам жюри об этапах работы «Русско-Сербского Диалога», активных коммуникациях с представителями и планами проведения Сербских Дней в Черноземье.

– Силами Центра при поддержке партнера – Центрально-Черноземного книжного издательства, в Воронеже подготовлена к изданию книга сербского писателя, участника 63 десантной бригады,

Момчисло Минича. Его книга «Моменты Вечности» переведена на русский язык и издана тиражом 100 экземпляров. Презентация книги состоялась 25 мая 2017 года в Воронеже;

– Завершающим, кульминационным, аккордом, деятельности «Русско-Сербского Диалога» в 2017 году стали организация и проведение 25-27 мая в Воронеже и Белгороде крупного мероприятия – Сербские Дни в Черноземье, которое прошло при поддержке Правительства Воронежской области и администрации города Белгорода.

После этого Центр продолжил активную деятельность:

– Подписаны соглашения между российскими и сербскими организациями, которые занимаются сходными вопросами по взаимодействию между нашими народами, а также средствами массовой информации, активно освещающими дружбу народов. Так, в 2017 и 2018 гг. подписаны соглашения с «Обществом Императора Петра Великого» (г. Воронеж), организацией «Инициатива Коммуникации и Сотрудничества – ИКС» (г. Ниш, Сербия), обществом «Славяносербия» (г. Белград, Сербия), телевидением «САТ» (г. Пожаревац, Сербия), и другими;

– В ноябре 2017 года Центр «Русско-Сербский Диалог» открыл представительский пункт в Москве, который презентован в центре столицы на улице Народной (м. Таганская). Здесь можно будет взять последний номер газеты «Диалог», ознакомиться с деятельностью Клуба, именно здесь проводятся московские встречи, касающиеся развития Центра;

– С августа 2017 года Центр принимает активное участие в знакомстве аудитории с культурно-гастрономической сербской тематикой. Так, в рамках проекта «Сербия рядом» (название появилось в 2018 году) организованы специализированные гастрономические площадки на различных фестивалях в городах Иваново, Москва, Белгород, а также Республике Крым. В рамках мероприятий проходят

мастер-классы по завариванию кофе по сербскому алгоритму, а также рассказывается о культурно-исторических связях России и Сербии;

– В 2017-2018 году Центр международного сотрудничества «Русско-Сербский Диалог» получил активную поддержку со стороны Посольства Сербии в Российской Федерации и лично Посла Славенко Терзича. В рамках серии встреч между руководителем Центра и Послом активно обсуждаются вопросы взаимодействия и ближайшие мероприятия, проводимые под эгидой Посольства.

Наконец, спустя год после торжественного открытия Клуба в Воронеже, силами Центра при поддержке Администрации Белгородской области и партнёрстве с БГТУ им. Шухова и Институтом сербского языка и коммуникаций, организовано мероприятие «Сербские дни в Черноземье-2018», которое прошло с 1 по 4 июня 2018 года. В рамках фестиваля организована серия площадок: литературная, гастрономическая, фотовыставка, мотоспортивные акции, и многое другое. Посол Сербии в Российской Федерации Славенко Терзич, присутствовавший на мероприятии, заявил, что данный форум-фестиваль стал самым масштабным и самым интересным за все время его работы в российском Посольстве (с 2012 года).

Своеобразным итогом данного мероприятия стало деловое событие, которое прошло на территории главной площадки фестиваля – БГТУ им. Шухова. В рамках деловой программы «Сербских дней в Черноземье» состоялся круглый стол «Актуальный проблемы российско-сербского сотрудничества: опыт и перспективы». Его открыли приветственным словом заместитель Губернатора области – начальник департамента внутренней и кадровой политики Ольга Альбертовна Павлова, ректор опорного ВУЗа БГТУ им. В.Г. Шухова доктор экономических наук, профессор Сергей Николаевич Глаголев, Чрезвычайный и Полномочный По-

сол Республики Сербии в Российской Федерации доктор Славенко Терзич.

С докладом на тему «Развитие сотрудничества Белгорода с городом-побратимом Нишем (Республика Сербия)» выступила начальник отдела специальных проектов и внешних связей управления общественных отношений администрации города Белгорода Юлия Валерьевна Александрова, свое видение развитие взаимоотношений по российско-сербскому взаимодействию представил Президент общества Русско-сербско-черногорской дружбы «Славянский мост» Любомир Миланович Радинович (г. Воронеж). Помимо этого прозвучал доклад ректора БГИИК доктора педагогических наук, профессора Сергея Ивановича Курганского на тему «Международное сотрудничество БГИИК и Республики Сербии», а проректор по международному сотрудничеству НИУ «БелГУ» Владислав Анатольевич Кучмистый рассказал об опыте сотрудничества своего университета с сербскими партнерами.

В рамках работы круглого стола к участникам и гостям обратился Генеральный секретарь Ассоциации выпускников советских и российских вузов из Сербии и Черногории кандидат экономических наук, доцент Петар Радославович Пайкович (г. Москва), директор Института сербского языка и коммуникаций БГТУ им. В.Г. Шухова, кандидат экономических наук Виктория Николаевна Ряпухина выступила с докладом на тему «Механизм вовлечения молодежи в международный обмен: опыт Института сербского языка и коммуникаций БГТУ им. В.Г. Шухова».

Руководитель Центра международного сотрудничества «Русско-Сербский Диалог», кандидат филологических наук Евгений Викторович Осенков обратился к присутствующим с выступлением на тему «Центр «Русско-Сербский Диалог» как коммуникационная площадка для взаимодействия российского и сербского народа». На круглом столе также была представлена презентация международной организации «Инициатива коммуникации

и сотрудничества» (г. Ниш, Сербия) на тему «Актуальные проблемы российско-сербских взаимоотношений и опыт деятельности организации «Инициатива коммуникации и сотрудничества»», презентация Общества русско-сербской дружбы «Славяносербия» (г. Белград, Сербия – г. Луганск, Украина) от Ольги Милунович, и доклад декана исторического факультета Курского государственного университета, руководителя проекта «Русский некрополь в Белграде», доктора исторических наук, профессора Ирины Александровны Коноревой и коллег на тему «Русский некрополь в Сербии: через историческую связь поколений – к единству Русского мира».

В завершение круглого стола прозвучали доклады руководителя некоммерческого образовательного частного учреждения дополнительного профессионального образования «Разговор» Анны Викторовны Немовой на тему «История создания и опыт работы языкового центра «Разговор»» и заместителя редактора портала «RUSSIA BEYOND SERBIA» кандидата филологических наук Вячеслава Владимировича Чарского на тему «Портал RUSSIA BEYOND SERBIA: шесть лет о России и из России на сербском».

В докладах нередко звучала информация о том, что подобные научные мероприятия (а круглый стол, помимо деловой, имеет также и научную составляющую по актуализации знаний по сербскому вопросу и изучению сербов и сербской ментальности в России), необходимо проводить как можно чаще, с целью развития серьезных международных связей. Радует, что круглый стол запомнился всем участникам и гостям яркими докладами по различным направлениям: рассмотрены аспекты решений о взаимоотношениях с сербами во власти, организации народной дипломатии, лингвистический аспект, медиааспект. Важнейшим компонентом видится упоминание почти в каждом из докладов нередкой ситуации, при которой жители России и Сербии сталкиваются с неверной интерпретацией событий, происходящих соот-

ветственно в России и Сербии жителями другой страны. С этим связана огромная роль современных средств массовой информации у нас и на Балканах, а также сербской ментальности и социальных установок российских и сербских СМИ.

Собственно, вопрос развития коммуникационных стратегий современных сербских средств массовой информации уже не в первый раз выносится на обсуждение в современных научных изданиях. Так, за период 2006-2018 гг. об этом активно писали в своих работах В.И. Сапунов, А.П. Короченский, Е.В. Осенков, и другие авторы. В современном рынке сербской периодики можно выделить активные четыре типа коммуникативных стратегий: массово-либеральная, либеральная, качественная, патриотически-радикальная. Данная типология впервые была приведена в статье «Коммуникативные стратегии современных сербских периодических изданий различной политической направленности» (Е.В. Осенков, 2011). Также вопрос коммуникативных стратегий, языковой манипуляции и лингвоагрессии ставился в цели и задачи диссертации «Сербская периодическая печать начала XXI века в условиях глобальных медиапроцессов» (Е.В. Осенков, 2011), и монографии «Сербская периодическая печать начала XXI века»).

К сожалению, после выхода статьи можно смело говорить о том, что коммуникативные стратегии современных сербских газет, а также радио, уже активно тяготеют от качественной к массово-развлекательным, либеральной направленности. Так, несмотря на то, что количество материалов о России на страницах изданий не уменьшается, существует вопрос в качестве освещения тех или иных российских событий в современных СМИ. В отличие от положительного восприятия в большинстве изданий в 2008 году, в 2018 году мы находим в лучшем случае попытку объективной оценки, без восхваления и любви. Связано это с реальным курсом сербской политики: для большин-

ства СМИ Сербия – это Европа, Вучич – президент, имеющий достаточную популярность, и для решения политических вопросов жизненно необходимо дружить с Большой Европой и США, но никак не с историческими друзьями. Связано изменение в риторике в СМИ (от положительного до полунегативного восприятия России) прежде всего с решением вопросов принадлежности изданий тем или иным компаниям. По сути, большинство СМИ в Сербии сегодня отданы на откуп либо государственному капиталу, поддерживающему политику Вучича, либо частному западному капиталу, поддерживающему западный путь Сербии.

Надо отметить, что несмотря на подобную ситуацию, для жителей Сербии до сих пор приятен для сердца русский народ, он воспринимается братским, и подобное человеческое отношение пока сложно изменить тонкой (и не очень) пропагандой западных ценностей в средствах массовой информации и социальных сетях.

Центр международного сотрудничества «Русско-Сербский Диалог», в рамках информационно-издательского направления, а также в рамках социально-гуманитарного сотрудничества, видит цель в публикации работ о современном состоянии сербских средств массовой информации Балкан и в частности, Сербии, и ее динамично развивающейся риторики.

ОБ АВТОРЕ:

Осенков Евгений Викторович, кандидат филологических наук, руководитель Центра международного сотрудничества «Сербско-Русский Диалог», Московский проспект, д. 13/2, г. Воронеж, 394026, Россия; osenkov_ew@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Evgeny V. Osenkov, Candidate of Philological Sciences, Head of The Serbian-Russian Dialogue Center for International Cooperation, 13/2 Moskovsky Ave., Voronezh, 394026, Russia; osenkov_ew@mail.ru

УДК 16:004.5

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-3-0-8

Левин В. И.

Жалдак Н.Н. Изобразительный логико-семантический анализ естественного языка науки: монография. Белгород: ЛитКараВан, 2008. 204 с. Рецензия

Пензенский государственный технологический университет, проезд Байдукова/ул. Гагарина, 1а/11, г. Пенза, 440039, Россия; vilevin@mail.ru

V. I. Levin

Zhaldak, N.N. Representational Logical and Semantic Analysis of the Natural Language of Science. Belgorod: LitKaraVan, 2008. 204 p.

Penza State Technology University, 1a/11, pr. Baidukova/ul. Gagarina, Penza, 440039, Russia; vilevin@mail.ru

В монографии Н.Н. Жалдака обосновывается оригинальный авторский метод диаграммного логико-семантического анализа языка и описываются результаты его применения. Помимо этого, дается обоснование методологических принципов, руководствуясь которыми автор строит этот метод. Дается также обоснование предпочтительности данного метода по сравнению с альтернативными. Поэтому название монографии может быть изменено на «Философская методология изобразительного логико-семантического анализа естественного языка науки».

Фактически, методологическим характером монографии объясняется то, что в достаточно пространной первой главе в ней обосновываются методологические принципы исследования и вместе с тем выясняется то, что исследование по этим принципам соответствует интересам эффективной деятельности в логике, лингвистике, психологии и педагогике и требует кооперации всех этих дисциплин. Тем самым исследование позиционируется не как чисто логическое, а как междисциплинарное философское, которое относится к философии науки.

Н.Н. Жалдак исходит из того, что естественный (обычный) язык является

языком междисциплинарного общения, употребляется вместе со своими логическими средствами в научном познании во всех научных дисциплинах. Поскольку в науке должен быть сознательный контроль над средствами и методами, которые используются в познании, постольку в ней должно быть осознание этих средств и методов и должна быть установка на все более эффективное использование логических средств, логики естественного языка в научном познании. Автор обращает внимание на то, что в таблицах, которыми пользуется любой субъект научного познания и едва ли не любой грамотный человек, выполняются логические операции, что было подмечено еще Лейбницем, при этом таблицы выполняют функцию логических диаграмм. Поскольку же люди, которые составляют таблицы, большей частью особый курс логики не изучали, то логикой составления таблиц служит изобразительная логика естественного языка, которая используется интуитивно.

Во второй главе раскрывается возможное многообразие изобразительных средств, которые могут использоваться в изобразительных семантических методах логического анализа естественного языка, и решаются существенные проблемы их

использования. Автор преобразует таблицы истинности в линейно-табличные диаграммы, которые намного более удобны для построения. Далее путем добавления обозначений существования эти диаграммы превращаются в линейно-табличные диаграммы существования (ЛТДС), которые наиболее эффективны для контроля над рассуждениями о свойствах.

Ставится проблема выбора такой системы силлогистики, в которой языковые конструкции, которыми выражаются формы суждений, имеют те же значения, что и в естественном языке, т.е. соответствуют логике этого языка. Такой силлогистикой и исходным основанием для представления логики естественного языка автору служит логика суждений существования Л. Кэрролла. Но этот выбор таких значений форм суждений, которые соответствуют естественному языку, автор делает сам и предлагает делать всем, основываясь на социалингвистическом исследовании того, какие значения придаются этим формам массой пользователей естественного языка.

В главе третьей дан теоретический обзор техники представления знаний для поэтапной подготовки будущего субъекта научного познания к овладению логикой построения таблиц вообще и табличным построением символической логики, в частности. Излагаются результаты пробного социалингвистического исследования понимания студентами значений логических средств языка.

Глава четвертая содержит представление практической логики на языке ЛТДС как усовершенствование методов решения задач по темам «понятие», «суждение», «умозаключение». Н.Н. Жалдак предлагает уникальные по полноте диаграммные словари логических форм суждений о свойствах предметов, случаев, мест, времен и точек зрения. В каждом из этих словарей 148 диаграмм (ЛТДС), каждая из которых отличается от других информацией о существовании, которую несут изложенные автором формы атрибу-

тивных суждений с двумя терминами. Указаны равнозначные, синонимичные формы. Автор монографии показывает целесообразность определения отношений между терминами (понятиями) и отношений между суждениями по истинности посредством таких диаграмм, которые непосредственно учитывают информацию логических форм понятий и суждений. Дедукция посредством построения ЛТДС представлена как способ соблюдения принципа причинности и метод производства нового знания. Фактически предлагается уникальная по объему включенных в нее логических средств система логики этого языка.

Практическая ценность монографии состоит в том, что она содержит теоретическое обоснование наиболее эффективных методов проверки и построения рассуждений на естественном языке самим человеком, который призван делать самостоятельные выводы из данных, предоставляемых ему компьютером, без чего человек стал бы бездумным придатком к компьютеру. С другой стороны, алгоритмизированные методы Жалдака легко переводимы в компьютерные программы и могут служить повышению эффективности человеко-машинного интерфейса, диалога на естественном языке в системе «человек-компьютер». Применимость этих методов подтверждается убедительной подборкой форм логических задач (Жалдак, Н.Н. Задачи по практической логике: монография. Белгород, 2013), решаемых диаграммными методами Жалдака, т.е. форм диаграммных рассуждений, и его учебными пособиями, которые создавались и использовались в авторских курсах логики (Жалдак, Н.Н. Практическая логика: Учебное пособие для вузов. Белгород, 2015) и др.

Исследования Н.Н. Жалдака, вне всякого сомнения, являются выдающимся вкладом в науку, делающим логику конструктивным инструментом для работы с информацией, сообщаемой на естественном языке. К сожалению, эти исследова-

ния остались недостаточно понятыми и недооцененными. По моему опыту, это неизбежно для любых новаторских работ: должно пройти время, чтобы их по достоинству поняли и оценили.

Рецензируемая монография представляет новое направление философско-методологических исследований, цель которых – решение существенных для развития логики научного познания проблем, возникающих на стыке логики, лингвистики, психологии и педагогики. Она может быть рекомендована к широкой публикации и к защите в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук.

ОБ АВТОРЕ:

Левин Виталий Ильич, советник по науке ректора Пензенского государственного техно-

логического университета, доктор технических наук, профессор, PhD, Grand PhD, Full Professor, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего образования РФ, академик Международной и Европейской академий информатизации, Академии социальных наук РФ, трижды Соросовский Профессор, старший научный сотрудник.

ABOUT THE AUTHOR:

Vitaly I. Levin, Advisor for Science to the Rector of Penza State Technology University, Doctor of Technical Sciences, Professor, PhD, Grand PhD, Full Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Academician of the International and European Academies of Informatization, Academy of Social Sciences of the Russian Federation, three times Soros Professor, Senior Research Officer.